Изъ воспоминаній бывшаго кадета.

Въ маѣ 18.. года управленіе военно-учебныхъ заведеній увѣдомило моего отца, отставного офицера наполеоновскихъ временъ, израненнаго подъ Данцигомъ и Парижемъ, что онъ можетъ доставить меня въ Петербургъ, для экзамена въ N-скій кадетскій корпусъ. По обычаю того времени, въ семьѣ радовались этому обстоятельству, ибо оно открывало возможность «пристроить» меня, тринадцатилѣтняго отрока, на казенные хлѣба, да еще для полученія кадетскаго образованія, «самаго приличнаго дворянину». О томъ, чувствую ли я хоть малѣйшее призваніе къ этому образованію, никто, конечно, не заботился, а мои успѣхи въ математикѣ и географіи только питали родительскія надежды, что на экзаменѣ я не осрамлюсь и что, слѣдовательно, издержки на поѣздку въ столицу не будутъ напрасны.

Пріѣхавъ съ матерью въ Петербургъ, мы остановились въ одной глухой, но недалекой отъ корпуса, улицѣ и, разумѣется, прежде всего явились въ корпусную канцелярію для записки адреса и полученія точнаго свѣдѣнія, когда начнутся пріемные экзамены. Оказалось, что нужно было ждать еще три недѣли, и старшій братъ мой, который былъ въ томъ же корпусѣ и уже переходилъ въ выпускной классъ, посовѣтовалъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы нанять двухъ-трехъ учителей и вмѣстѣ будущихъ экзаменаторовъ для повторенія передъ экзаменомъ пріобрѣтенныхъ мною свѣдѣній. Онъ особенно настаивалъ, чтобы мы не обращались къ учителямъ постороннимъ, а брали именно тѣхъ, которые обыкновенно являлись экзаменаторами: вѣрнѣе, дескать, будетъ успѣхъ. Дѣлать нечего, мать согласилась, и я взялъ по семи уроковъ изъ математики, т. е. алгебры съ геометріей, и изъ исторіи съ географіей. Получивъ заработанные семьдесятъ

рублей ассигнаціями, преподаватель математики, Пламень-Дохликовскій, объявилъ матери, что уроки были совершенно излишни и что мои знанія переходятъ далеко за программу пріемнаго экзамена во второй классъ, а потому совѣтовалъ матери добиваться опредѣленія моего прямо въ третій, что должно было сократить мое пребываніе въ корпусѣ на годъ. Историко-географъ, Перепеловичъ, былъ тоже очень доволенъ моими познаніями, которыя распространялись не только на Ассура и Семирамиду, но на козу и гуся, подъ предводительствомъ которыхъ шли первые крестоносцы выручать гробъ Господень, и даже на «ужаснѣйшее и кровопролитнѣйшее сраженіе при Лейпцигѣ», въ которомъ былъ разбитъ Наполеонъ, причемъ я не только зналъ, что Лейпцигъ—городъ въ Саксоніи, но и могъ разсказать нѣкоторыя подробности битвы 1813 года по Михайловскому-Данилевскому, а не ограничиваться одною пышною фразой Кайданова. Получивъ, въ свою очередь, по окончаніи уроковъ, семьдесятъ рублей, Перепеловичъ также увѣрялъ мою мать, что нужно бы меня посадить прямо въ третій классъ, если позволятъ лѣта... Эта послѣдняя отговорка можетъ показаться смѣшною, даже нелѣпою; но можно ли ей удивляться, когда, во-первыхъ, дѣло шло на заводѣ прапорщиковъ, которымъ моложе 18 лѣтъ быть не полагалось; а во-вторыхъ, когда, цѣлыя 35 лѣтъ спустя, въ одномъ заграничномъ городѣ я видѣлъ семью *дѣвочекъ*, Д—выхъ, которыхъ мать привозила туда изъ К—ва для помѣщенія въ мѣстныя школы, такъ какъ дома въ помѣщеніи въ женскую гимназію было отказано «за недостиженіемъ ими надлежащаго возраста», сажать же въ подлежащіе по познаніямъ высшіе классы начальство не считало себя въ правѣ? (Дѣвочки, дѣйствительно, были очень свѣдущи.) Итакъ, несмотря на лестныя аттестаціи преподавателей и на крупные баллы, полученные на пріемномъ экзаменѣ (отъ оныхъ лицъ), меня все же засадили во второй классъ. Казарменное заключеніе, въ возрастѣ физическаго и духовнаго развитія, должно было, слѣдовательно, затянуться по меньшей мѣрѣ на пять лѣтъ. Оно и затянулось на столько.

Фридрихъ Великій былъ десять разъ правъ, порицая обученіе и *воспитаніе* дѣтей въ закрытыхъ заведеніяхъ; женевское правительство право сто разъ, не основывая и не поддерживая на кантональный счетъ ни одной школы и нансіона. Многочисленныя и отлично-устроенныя имъ училища для дѣвочекъ и мальчиковъ всѣ служатъ для приходящихъ и исключеніе составляетъ

только воспитательный домъ для сиротъ. Разумѣется, что въ странѣ широкаго умственнаго развитія,—въ странѣ, гдѣ физическая и техническая гигіена настолько вошла въ нравы, что смертность не превосходитъ 17 на 1.000 челов., а даровитые ученые не переводятся десятками,—словомъ, на родинѣ творца «Эмиля» иначе и быть не можетъ, и разумѣется, что въ Россіи 18.. годовъ школы, по закону противоположности съ женевскими порядками вообще, должны были быть закрытыми. Собственно, вѣдь эте были (говорю про кадетскіе корпуса) казенныя фабрики для выдѣлки прапорщиковъ, какъ были въ то же время казенные пороховые заводы на Охтѣ, Шосткѣ и Казанкѣ, казенные оружейные заводы въ Тулѣ и Сестрорѣцкѣ и даже казенная фабрика лосины для ранцевыхъ ремней и кирасирскихъ штановъ гдѣ-то въ Павловѣ или Вороновѣ. Доставалось притомъ не однимъ мальчикамъ, предназначавшимся въ ротные и баталіонные командиры, а и дѣвочкамъ, которыя должны были потомъ блистать на паркетѣ и въ свѣтскихъ салонахъ. Имъ даже было едва ли не хуже. Вѣдь Смольный монастырь и другіе дѣвичьи институты, идеалы закрытыхъ заведеній «для воспитанія», были попросту тюрьмами, изъ стѣнъ которыхъ не было шагу бѣднымъ воспитанницамъ съ печальпаго момента ихъ поступленія туда до торжественнаго момента выпуска. Сами отецъ и мать дѣвочки, часто даже семнадцатилѣтней «барышни», допускались на свиданіе съ нею лишь въ извѣстные дни и часы, да и то не иначе, какъ въ стѣнахъ самой тюрьмы. Кадетскіе корпуса послѣ аракчеевскихъ временъ не многимъ чѣмъ отличались отъ этихъ птичьихъ клѣтокъ, хотя въ нихъ образовывались будущіе военачальники, градоначальники и проч., которымъ, пожалуй, съ дѣтства нужно было знакомиться не съ одними ружейными пріемами и маршировкой съ-носка, а и съ жизнью народа *de visu*. Правда, существовала система отпусковъ къ родственникамъ на праздники и по воскресеньямъ; но за то въ стѣнахъ корпуса жизнь была монастырско-казарменная, которая, какъ тяжелый прессъ, выжимала все живое изъ молодыхъ организмовъ. Свирѣпая система устрашенія лежала въ основѣ корпусной педагогіи, и на розги начальство находило нужнымъ вычитать по пяти рублей съ каждаго окончившаго воспитаніе юноши, хотя бы онъ не былъ ни разу сѣченъ,—такъ много истреблялось «лѣсу». Судя по успѣшности пріема, я бы, кажется, могъ надѣяться прямо попасть въ разрядъ лучшихъ воспитанниковъ, для которыхъ розги—только

фиктивная острастка или отдаленный слухъ; но, вѣроятно, чтобы страхъ передъ ними легъ въ основу моего начинавшагося «благороднаго, офицерскаго» воспитанія, мнѣ о нихъ намекали и напоминали съ разныхъ сторонъ. По сдачѣ экзамена и до поступленія моего собственно въ число кадетъ, мать водила меня, не знаю ужь зачѣмъ, къ коменданту Петропавловской крѣпости, С—ву, который когда-то зналъ моего отца и даже иногда посѣщалъ его въ Т., проѣздомъ въ деревню. Старый генералъ, безъ одной руки, погладивъ меня другою по головѣ и поздравивъ съ предстоявшимъ «поступленіемъ на царскую службу», тутъ же прибавилъ, не стѣсняясь даже присутствіемъ матери: «ну, братъ, будь солдатомъ, какъ слѣдуетъ, и коли случится попробовать березовой каши, — терпи: за битаго двухъ небитыхъ даютъ. А генералъ твой, Плахинъ,—молодецъ: ужь коли разложитъ, такъ спуску не дастъ». Это отличное, генеральское предисловіе (напоминающее «дружескій» вопросъ того же С—ва Бѣлинскому: «Когда же къ намъ въ крѣпость? У меня тамъ для васъ и особый казематъ приготовленъ»),—это предисловіе заставило меня поблѣднѣть отъ страха, стыда, негодованія или злобы—я ужь теперь не могу сказать. Замѣтивъ мое внутреннее волненіе, мать сказала высокопревосходительному покровителю: «за что же его будутъ сѣчь, если онъ будетъ хорошо учиться и вести себя?»— «Ахъ, сударыня! — отвѣчалъ безрукій генералъ-весельчакъ и даже литераторъ,—да вѣдь на службѣ бываетъ, что бьютъ задаромъ и жаловаться не велятъ. Мнѣ самому доставалось и разъ чуть не пришлось прогуляться по зеленой аллеѣ; а вотъ, благодаря Бога, генералъ же я, и всѣ меня уважаютъ...» Почтенный комендантъ могъ бы прибавить, что, для достиженія чина и уваженія, онъ самъ гонялъ по зеленой аллеѣ... ну, хоть бы недруговъ аракчеевской Настасьи, да успѣлъ ловко подружиться и даже переродниться съ разными позднѣйшими свѣтилами, графами А., Б. и др... Впрочемъ, поклоненіе розгамъ у него было дурною привычкой *отъ доброты души*: «Зачѣмъ,—говаривалъ онъ,—дѣлать человѣка несчастнымъ на цѣлую жизнь, ссылая его въ Сибирь, отрывая отъ семьи? Не лучше ли вырвать у него нѣсколько клочковъ кожи?» Вѣдь и въ 1858 году князь В. говорилъ почти то же и по тѣмъ же гуманнымъ соображеніямъ.

8 сентября 18.. года, поутру, мать моя, согласно съ повѣсткою корпусной канцеляріи, повела меня въ корпусную церковь, гдѣ мы, новички, простояли обѣдню особо отъ кадетъ, а

потомъ были разведены по ротамъ. Мнѣ досталось въ четвертую роту, которой командиромъ былъ штабсъ-капитанъ Сурбатовъ, человѣкъ сравнительно добрый, не любившій драться, иногда даже находившій слово ласки для кадета, но совершенно необразованный (изъ юнкеровъ) и настолько недалекій, что въ корпусѣ называли его «Бараномъ». Отдѣленнымъ офицеромъ у меня былъ,—вѣроятно, памятный немногимъ остающимся однокашникамъ,—рябой подпоручикъ Цибровичъ, просто уже дуракъ, да еще злой, извѣстный между кадетами подъ именемъ «Штофа», вѣроятно, по причинѣ высокихъ плечъ, между которыми голова его торчала какъ горлышко штофа, заткнутое пробкою. Въ ближайшіе руководители мнѣ, неопытному новичку или, по-корпусному, колпаку, дали исправнаго и благонравнаго кадета Серебрякова, который тутъ же написалъ для меня списокъ всѣхъ тѣхъ начальниковъ, имена которыхъ я долженъ былъ узнать, и приказалъ къ завтрашнему утру выучить наизусть. Въ этомъ спискѣ были, сверхъ членовъ Императорской фамиліи: военный министръ, главнокомандующіе, директоръ департамента военныхъ поселеній, отъ котораго тогда зависѣли военно-учебныя заведенія, директора кадетскихъ корпусовъ и разные генералы корпусного вѣдомства, инспекторъ классовъ и его помощники, баталіонный и ротные командиры, отдѣленные офицеры и унтеръ-офицеры своей роты, фельдфебель, корпусные священники, доктора, полицеймейстеръ и уже не помню еще какія власти, числомъ до шестидесяти. Все это были люди, которыхъ слѣдовало уважать ничтоже сумняшеся. Изъ нихъ въ лицо я зналъ человѣкъ пять, да по-наслышкѣ еще десятка два, остальные же были для меня лицами отвлеченными, которыхъ имена и титулы я долженъ былъ задалбливать, какъ раньше задалбливалъ латинскіе герундіи и супины или французскіе вспомогательные глаголы. Цѣлый первый день корпусной жизни прошелъ въ этой долбнѣ, причемъ пришедшій вечеромъ изъ другой роты братъ помогъ мнѣ своими познаніями. Я плохо ѣлъ за обѣдомъ, потому что все время былъ какъ ошеломленный неизвѣстными мнѣ дотолѣ порядками, полнымъ безучастіемъ окружающей среды, насмѣшками кадетъ, что не умѣю ходить въ ногу, и т. п. За ужиномъ, состоявшимъ изъ кружки сбитня, пеклеванной булки и куска чернаго хлѣба съ масломъ, одинъ сосѣдъ-нахалъ нашелъ даже нужнымъ облегчить меня отъ «пеклевашки», говоря, что колпакамъ она не полагается, что̀ вызвало во мнѣ сначала тупое, молчаливое удивленіе, потомъ

презрѣніе къ нахалу, а наконецъ, когда мы улеглись въ постели, горькія слезы. Такъ вотъ она корпусная благовоспитанность, такъ вотъ дружба сверстниковъ, про которыя такъ часто твердили мнѣ для смягченія разсказовъ о предстоявшихъ розгахъ!... Господи, и такъ будетъ цѣлыя пять лѣтъ! За что же это? Господи, пошли мнѣ терпѣніе!... И я сдержанно рыдалъ, уткнувшись въ подушку. Заснуть я не могъ до полуночи, и когда насъ разбудили утромъ въ шесть часовъ, я чувствовалъ себя усталымъ, нервно разстроеннымъ. Серебряковъ, который видѣлъ совершенную надо мной вечеромъ продѣлку, утѣшалъ меня, говоря: «это съ вами вчера такъ сдѣлали, чтобъ испытать, хорошій ли вы товарищъ или нѣтъ, то-есть пойдете ли жаловаться начальству или промолчите». Онъ не зналъ, что гордость не позволяла усиливать нанесенное мнѣ оскорбленіе, заявляя о немъ гласно, а тѣмъ болѣе въ видѣ жалобы. Неклевашка же такъ мало соблазняла меня собою, что я отдалъ бы ее самъ, еслибъ ее попросили у меня,—такъ первый день казарменной жизни отбилъ у меня аппетитъ.

Въ три четверти восьмого часа утра, на второй день моего пребыванія въ корпусѣ, насъ повели въ классы, причемъ всѣхъ новичковъ собрали въ одну классную комнату и цѣлый день ничему не учили, заставляя только смирно сидѣть, что было нестерпимо-скучно. То же было и въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ дней, во время которыхъ, впрочемъ, намъ роздали маленькія французскія хрестоматіи, вѣроятно въ предположеніи, что мы станемъ ихъ читать. Наконецъ, однажды, въ послѣобѣденные часы, заглянулъ къ намъ инспекторъ, спросилъ у дежурнаго по корридору офицера, смирно ли мы сидимъ, и объявилъ, что скоро насъ распредѣлитъ по отдѣленіямъ подлежащихъ классовъ, гдѣ между тѣмъ ученіе началось уже дней 12—15 назадъ. Легко представить себѣ положеніе тѣхъ учениковъ, которые такимъ образомъ съ перваго дня являлись уже отсталыми отъ товарищей, и притомъ именно въ самыхъ важныхъ частяхъ наукъ—въ опредѣленіяхъ и основныхъ положеніяхъ. Вотъ тутъ-то мнѣ принесло пользу то обстоятельство, что знанія мои шли дальше пріемной программы. Съ нервыхъ дней сформированія класса я сталъ «показывать», т. е. объяснять, неизвѣстное тѣмъ изъ товарищей, которые не могли слѣдить за лекціями учителей безъ такихъ предварительныхъ объясненій. Такимъ образомъ составился у меня кружокъ если не друзей, то пріятелей. Но, впрочемъ, на-

стоящая дружба установилась на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ классныя услуги. Хронологически первый ея источникъ былъ — сближеніе съ земляками, то сближеніе, которое какъ-то само собою всегда возникаетъ между новобранцами не только въ училищахъ, но въ арміи, въ рабочихъ артеляхъ, въ эмиграціи и т. п. Въ нашемъ классѣ я нашелъ двухъ такихъ земляковъ, Чернолобова и Окраинова, изъ которыхъ послѣдній былъ еще и близкимъ сосѣдомъ по деревнѣ, такъ какъ имѣніе его находилось всего въ четырехъ верстахъ отъ деревни, гдѣ я родился и провелъ дѣтство. Полагаю, что такія этнографическія группы молодыхъ друзей образуются постоянно во всѣхъ закрытыхъ и даже открытыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ; по крайней мѣрѣ то же явленіе я наблюдалъ въ русскихъ школахъ съ нѣмцами, поляками, армянами, малороссами и даже просто уроженцами однѣхъ и тѣхъ же губерній и уѣздовъ, въ швейцарскихъ — съ нѣмцами, итальянцами, греками, англичанами, французами и пр. Но и этнографическая дружба — не настоящая. Она можетъ обратиться въ послѣднюю лишь тогда, когда найдутся условія иного, высшаго порядка. Какія именно?—О, на этотъ вопросъ не даетъ отвѣта ни одна психологія, будь то схоластическая «Феноменологія духа» Гегеля или претендующая на реализмъ книга Герберта Спенсера. Нужна «симпатія душъ»; нужно сродство вродѣ того, какое влечетъ, наприм., кислородъ къ калію и хлоръ къ серебру; а чѣмъ обусловливается такое сродство въ живыхъ организмахъ, особенно принадлежащихъ къ одному полу, я не знаю, да, кажется, не знаетъ никто. Можно даже сказать, что по вопросу этому существуютъ двѣ, совершенно противоположныя, теоріи *a priori*. Одни говорятъ, что двѣ симпатизирующія натуры обыкновенно *дополняютъ* одна другую: брюнетъ сближается съ блондиномъ, живой мальчикъ — съ серьезнымъ, сильный—съ слабымъ, настойчивый и властолюбивый—съ мягкимъ и легко подчиняющимся. Другіе, напротивъ, думаютъ, что основаніемъ истинной дружбы можетъ быть только сходство, почти *тожество* характеровъ: люди мечтательные сдружаются съ мечтательными, весельчаки — съ весельчаками, поклонники прекраснаго—съ такими же артистами въ душѣ, и т. п. Мнѣ плохо вѣрится во всѣ эти гипотезы и, оглядываясь на собственное прошлое, я тамъ вижу факты, одинаково удовлетворяющіе обѣимъ теоріямъ и, слѣдовательно, опровергающіе ихъ обѣ. Вотъ одинъ мальчикъ крошечнаго роста, съ вихромъ, торчащимъ вверхъ. Онъ такой круглень-

кій, щечки у него такія пухленькія, а глазенки такъ сверкаютъ, что я начинаю его любить, не зная даже, кто онъ. Когда мы познакомились, мнѣ доставляетъ удовольствіе пройтись съ нимъ, положивъ ему руку на плечи или обнявъ его черезъ лѣвое плечо за правый бокъ; потомъ у меня является желаніе подушить его порядкомъ, когда онъ задираетъ меня насмѣшками, и я, будучи сильнѣе его, расправляюсь съ нимъ, причемъ онъ хохочетъ, влажные глаза его искрятся, а каблукъ сапога нечаянно задѣваетъ меня по лицу и дѣлаетъ ссадину. За эту ссадину я плачу ему двумя-тремя серьезными пинками, да и онъ самъ, испугавшись, бѣжитъ достать холодной воды, чтобъ обмыть показавшуюся кровь, и потомъ приноситъ выпрошенный у кого-то кусочекъ англійскаго пластыря, чтобы заклеить шрамъ; мало того, отвинчиваетъ ножичкомъ у какого-то дверного замка мѣдную ручку (за что могло достаться) и держитъ ее около царапины, чтобы не образовалось синяка. Я принимаю эти услуги какъ нѣчто должное, не говорю «спасибо», но и нисколько не сержусь. Черезъ полчаса, когда я, отдохнувъ отъ возни, бѣгу снова по плацу, мой кругленькій пріятель неожиданно и ловко подставляетъ мнѣ ногу, я растягиваюсь на пескѣ во весь ростъ, а онъ съ хохотомъ убѣгаетъ. Этого пропустить такъ нельзя: я догоняю его и накладываю ему въ спину пять-шесть добрыхъ ударовъ кулакомъ. А черезъ часъ мы сидимъ вмѣстѣ въ ротѣ около доски, я объясняю ему дѣленіе многочленовъ, онъ внимательно слушаетъ, положивъ руку мнѣ на плечо, и когда я окончилъ, онъ говоритъ: «Эка ты хорошо показываешь: все ясно и забыть нельзя, такъ что хоть не повторяй. Тебя бы надо сдѣлать учителемъ вмѣсто этой мартышки Севастова». Онъ вовсе не желаетъ мнѣ льстить: онъ — человѣкъ съ независимымъ характеромъ и иногда дурачитъ меня, но *мы—друзья*, и противорѣчіе исчезаетъ. А вотъ другой другъ, совершенно иного типа: серьезный, большой и силачъ. Онъ могъ бы меня размозжить, если-бы вздумалъ поколотить, но онъ никогда не трогаетъ меня пальцемъ. Когда я сдѣлаю или скажу какую-нибудь глупость, онъ серьезно, но спокойно говоритъ: «ну, это, братъ, глупо». Я однако же ни мало этимъ не оскорбляюсь, сознаю справедливость укора, не возражаю; но это не значитъ, что я боюсь силача или нуждаюсь въ немъ. Напротивъ, чаще онъ нуждается во мнѣ; но мы услугами не считаемся, *мы—друзья*. Когда онъ видитъ, что меня прижимаютъ другіе, онъ засучиваетъ рукава

и даетъ нѣсколько полновѣсныхъ тумаковъ, отъ которыхъ атта-кующая меня мелюзга разсыпается. Потомъ онъ упрекаетъ меня за занозистость и обѣщаетъ тоже когда-нибудь поколотить по-рядкомъ. А вечеромъ онъ дѣлится со мною кусками ветчины и булки, оставшимися у него отъ провизіи, принесенной въ вос-кресенье, и проситъ не говорить объ этомъ другимъ, даже близ-кимъ товарищамъ, чтобъ они не приставали съ просьбами. «На,—говоритъ онъ,—держи катехизисъ и смотри, знаю ли я урокъ». Я слушаю и поправляю, гдѣ онъ ошибается, подсказываю, гдѣ забылъ, потомъ мы идемъ, обнявшись, къ доскѣ въ ротномъ корридорѣ продѣлывать вмѣстѣ заданную алгебраическую задачу, хотя начальство требуетъ, чтобы каждый рѣшалъ отдѣльно, са-мостоятельно. Онъ обвиняетъ меня въ честолюбіи и прозываетъ Алкивіадомъ, говоря, что я способенъ по ночамъ бить статуи боговъ, а днемъ произносить задорныя рѣчи. Я отвѣчаю ему,—не знаю ужь, вслѣдствіе какой ассоціаціи идей,—пушкинскою эпи-граммой о бельведерскомъ Митрофанѣ, прибавляя, что Митрофанъ способенъ все бить и ломать не только ночью, но и днемъ. «Смотри, братъ, вздую!»—говоритъ онъ, грозя кулакомъ, и мы обнимаемся, чтобъ идти рядомъ и на пути вспоминать деревен-скіе сады съ яблоками и вишнями, игры съ дѣвочками и ихъ поцѣлуи, данные потихоньку отъ сверстницъ и взрослыхъ. «Ахъ, какая хорошенькая была эта Надя!»—говоритъ мой Гер-кулесъ, въ увѣренности, что я не выдамъ его секрета, и въ не-вѣдѣніи, конечно, что самъ настоящій, дубиноносный Ираклъ былъ влюбленъ въ молодку Омфалу, такъ что ему, нашему до-машнему силачу, и Богъ проститъ быть влюбленнымъ.

Вотъ два образчика дружбы съ людьми разныхъ наклонностей и характеровъ,—дружбы иногда шумной и придирчивой, но всегда искренней и заставлявшей насъ весело улыбаться и горячо по-жимать руки потомъ, лѣтъ черезъ десять-пятнадцать, когда жизнь случайно сводила на время. А вотъ дружба тихая, которую мож-но бы сравнить съ свѣтлымъ ручьемъ, что̀ бѣжитъ среди зеле-ныхъ береговъ, по мелкимъ камушкамъ, еслибъ она не была очень глубока для ручья. Мы никогда не были близки до фамиль-ярности, потому что познакомились только въ шестнадцать лѣтъ и даже говорили другъ другу *вы*; но нѣчто чистое, какъ херу-вимская мечта, связывало насъ. Мы иногда спорили, но всегда съ соблюденіемъ самаго вѣжливаго тона, съ желаніемъ избѣжать малѣйшей колкости, что, напримѣръ, для меня въ обыкновенныхъ

спорахъ было не легко, но что при бесѣдѣ съ Новосельскимъ достигалось безъ малѣйшаго труда. Мы не нуждались другъ въ другѣ для обезпеченія классныхъ успѣховъ; мы были разныхъ отдѣленій въ классѣ и, слѣдовательно, видались только въ ротѣ; но какая-то неудержимая симпатія влекла насъ взаимно, не высказываясь наружно ничѣмъ, кромѣ пожатія руки при встрѣчѣ и при разставаніи, болѣе сильнаго, чѣмъ съ другими товарищами. Мы анализировали спокойно интересовавшіе насъ предметы. Новосельскій тихо улыбался, когда я позволялъ себѣ какую-нибудь (очень сдержанную) шутку, но рѣдко самъ отвѣчалъ въ шутливомъ тонѣ, и мы, разставаясь, смотрѣли другъ другу въ глаза какъ люди, у которыхъ есть нѣчто общее тамъ, гдѣ-то на самомъ днѣ. Это нѣчто между нами, шестнадцатилѣтними юношами, была любовь къ наукѣ, вѣра въ могущество человѣческой мысли и твердое убѣжденіе, что рано или поздно эта мысль все постигнетъ въ природѣ и все устроитъ къ лучшему въ человѣческомъ обществѣ. Только мы никогда не формулировали этой «врожденной» намъ идеи словами, а подразумѣвали ее, какъ нѣчто безспорное.

Дружба смягчала многое въ гнусной, казарменно-педагогической средѣ, которая меня окружала отъ 13 до 18 лѣтъ; но, разумѣется, не могла смягчить всего. Какимъ бы пурпуромъ ни былъ одѣтъ Регулъ, когда карѳагеняне посадили его въ бочку, убитую гвоздями, и прокатили съ горы, все же гвозди дали бы себя чувствовать. А корпусная жизнь была настоящая карѳагенская бочка, въ которой роль гвоздей играли безчисленные начальники, воображавшіе, каждый про себя, что воспитанники, особенно младшаго возраста, суть пѣшки, которыми они разыгрываютъ служебную и педагогическую партію и которыхъ, за малѣйшее проявленіе признаковъ живой организаціи, нужно гнуть въ бараній рогъ. «Пусть ненавидятъ, лишь бы боялись!»—вотъ былъ каллигуловскій девизъ этихъ наставниковъ. Вы узки въ плечахъ и не можете поэтому держать ружья совершенно отвѣсно, ибо при этомъ оно упало бы въ сторону; вы берете смѣлость объяснить это обучающему офицеру. «Безъ пирога», «безъ двухъ блюдъ!»—или и совсѣмъ безъ обѣда, вѣроятно, для того, чтобы плечи расширились, и ужь во всякомъ случаѣ для того, чтобы во второй разъ вы не смѣли по этому поводу оправдываться, разсуждать. Вамъ ротный каптенармусъ, торгующій старымъ кадетскимъ платьемъ, навязалъ съ самаго поступленія въ

роту отвратительную, истертую куртку, съ засаленнымъ воротникомъ и выцвѣтшими погонами,—купить у него болѣе новую вы не догадались или не имѣли средствъ,—и вотъ вы сегодня на дежурствѣ за неряшество, завтра безъ отпуска за неопрятность, послѣзавтра записаны въ аттестаціонную тетрадь какъ неряха, безпечный къ своей наружности по природѣ и, слѣдовательно, негодный для занятія какихъ-нибудь видныхъ мѣстъ въ кадетской іерархіи, открывающей путь и на ступени іерархіи офицерской. Вы учитесь хорошо, ведете себя скромно, въ свободное время много читаете; но не егозите передъ отдѣленнымъ унтеръ-офицеромъ, фельдфебелемъ, отдѣленнымъ офицеромъ и ротнымъ командиромъ, никогда имъ ни на кого не жалуетесь и даже, при существующихъ порядкахъ, считаете всѣхъ жалобщиковъ злыми, ябедниками, фискалами, а не товарищами, людьми,—заслуживающими неумолимаго презрѣнія. «Это, говорятъ, бука: въ немъ, какъ въ тихомъ омутѣ, черти водятся. Ему нельзя прибавлять балловъ за поведеніе, потому что онъ скрытенъ и можетъ въ отвѣтъ на какое-нибудь придирчивое замѣчаніе сказать дерзость, какъ всѣ эти философы-нелюдимы. То ли дѣло вотъ такой-то: онъ не только почтителенъ передъ начальствомъ, никогда не разсуждаетъ въ отвѣтъ на сдѣланныя замѣчанія и приказанія, но старается и другихъ заставить идти по этому же пути, для чести заведенія». По какому пути? Какъ идти?... А на это лучше всего отвѣтить примѣрами двухъ-трехъ «тянучекъ», которыхъ корпусное начальство тщательно отличало и которые потомъ нашли себѣ мѣсто... въ исторіи? — нѣтъ, въ лѣтописяхъ общественныхъ пороковъ и глупостей. Говорить о нихъ можно бы какъ объ умершихъ, не измѣняя именъ; но... *nomina sunt odiosa*, дѣло не въ нихъ.

Вотъ крикунъ-ефрейторъ, а потомъ унтеръ-офицеръ и фельдфебель, Фридрихсонъ. Онъ передъ начальствомъ—въ струнку, съ подчиненными—величайшій, грубый нахалъ и еще ябедникъ; друзей у него нѣтъ, потому что ближайшіе товарищи-одноклассники сторонятся отъ него, какъ отъ чумы. Способности къ наукамъ у него посредственныя и въ классахъ онъ беретъ исключительно аракчеевской старательностью и вытяжкою передъ учителями. Онъ усердно записываетъ лекціи въ чистенькія тетради, долбитъ, что можно, слово-въ-слово и потому иногда начинаетъ отвѣты словами: «мы сказали», хотя еще не разѣвалъ рта. Ротное начальство считаетъ его однимъ изъ столбовъ по-

рядка и дисциплины, а потому при выпускѣ зачисляетъ въ первый разрядъ, хотя по класснымъ успѣхамъ и способностямъ многіе выше его, а по грубымъ манерамъ онъ скорѣе гарнизонный «бурбонъ», чѣмъ блестящій гвардеецъ. Въ гвардіи онъ однако не долго уживается и, пользуясь покровительствомъ позорной памяти генерала Фердинанда фонъ-деръ-Шпехта, просившаго объ отводѣ войскамъ на розги лѣсовъ, получаетъ гарнизонную команду сначала въ одномъ очень большомъ городѣ, а потомъ, послѣ одной темной исторіи, въ городѣ поменьше, но зато подоходнѣе. Оттуда его, какъ исправнѣйшаго служаку и свирѣпаго держи-морду, который притомъ умѣетъ съ кѣмъ нужно подѣлиться, переводятъ начальникомъ полиціи въ третій городъ, гдѣ, по исключительнымъ условіямъ края, онъ можетъ безконтрольно брать—и беретъ—большіе полицейскіе штрафы. Далѣе, несмотря на постыдную связь съ женою одного подчиненнаго, Фридрихсонъ дѣлается однимъ изъ высшихъ блюстителей общественной нравственности и, наконецъ, по протекціи одного, болѣе крупнаго, лица, попадаетъ въ помпадуры на одну изъ дальнѣйшихъ окраинъ Россіи. Тутъ только высшія власти разглядываютъ его и видятъ, что это—человѣкъ до крайности ограниченный, глубоко развращенный и воръ. Его не пускаютъ ни въ одну изъ оффиціальныхъ богадѣлень, назначенныхъ для отставныхъ помпадуровъ, а дозволяютъ ему уѣхать *abroad*, причемъ цѣлый рядъ легендъ сопровождаетъ его въ эту нравственную могилу. То онъ отпиливалъ у домовъ углы, выходившіе на улицу; то сѣкъ плетьми людей, по закону вовсе свободныхъ отъ тѣлеснаго наказанія; то купилъ жену у подчиненнаго (у второго уже), заплативъ, гдѣ слѣдовало, за разводъ; то вздумалъ было продать берега большого озера по рублю за десятину для казны и по три рубля для себя... На могилѣ его можно бы написать поучительную эпитафію; но гдѣ эта могила? Гранитный устой кадетской дисциплины давно разсыпался въ прахъ, который вѣтры разнесли на всѣ четыре стороны, какъ кучу высохшей грязи...

А вотъ другой образцовый экземпляръ той же корпусной выдѣлки, Дешемировъ, менѣе грубый, но не болѣе симпатичный. Онъ тоже былъ фельдфебелемъ, и тоже строгимъ, тянучкой, по крайней мѣрѣ на глазахъ начальства. За глазами же онъ охотно обращался «дружески» даже съ кадетами много младшими по возрасту и положенію, выпытывалъ у нихъ разные секреты и потомъ предательски сообщалъ кому слѣдовало. Товарищи, даже

одноклассники, такъ и считали его лицемѣромъ-предателемъ; тѣмъ не менѣе имя его не сходило съ разныхъ красныхъ и мраморныхъ досокъ во всю его молодость. По выходѣ изъ корпуса, лѣтъ пять-шесть онъ былъ отчаяннымъ гегельянцемъ, атеистомъ à la Фейербахъ и нолитическимъ либераломъ, впрочемъ... только въ бесѣдахъ съ товарищами, которымъ «по дружбѣ» показывалъ сильно-запрещенную тогда книгу Радищева и рукописныя тетради разныхъ криминальныхъ стиховъ; передъ начальствомъ же девизъ его былъ: «падамъ-до-ногъ». Какъ только онъ оперился настолько, что въ редакціяхъ журналовъ его уже не считали болѣе за незрѣлаго прапорщика, онъ напечаталъ въ одномъ изъ нихъ диссертацію по современному тогда военному вопросу и посвятилъ ее «памяти бывшаго корпусного директора-благодѣтеля N. N.», на дочери котораго женатъ былъ ближайшій начальникъ его, Дешемирова, Крикуновъ. Съ этого момента движеніе въ гору пошло быстро. Бывшій «красный» женился на каменномъ домѣ въ столицѣ и предъ нимъ растворились такія двери, въ которыя прежде его не пускали. Чины и другія «повышенія» стали для него дѣломъ обычнымъ, какъ денежные подарки къ праздникамъ. Но за быстрымъ движеніемъ на гору и даже рядомъ съ нимъ слѣдовало и паденіе подъ гору,—то паденіе, котораго не можетъ прикрывать мишура. Бывшій либеральный философъ разъ явился предъ избранной публикой съ лекціей «о разумности войны»; въ другой разъ онъ, атеистъ, добивался, какъ чести—и добился—возможности играть первую роль въ одной публичной военно-религіозной церемоніи; наконецъ, по полку своему, передъ выступленіемъ его на войну, онъ отдалъ приказъ, чтобы солдаты ежедневно взывали: «Господи силъ! съ нами буди: иного бо, развѣ Тебе, помощника въ скорбяхъ не имамы...» Онъ кончилъ свою карьеру и жизнь въ одномъ пріютѣ для душевно-больныхъ...

Теперь вотъ третій образецъ корпусной культуры — Фельдгёрстъ, тоже фельдфебель и отличный ученикъ, никогда не сходившій съ красной доски. Мягкія, приличныя формы обхожденія обезпечивали ему расположеніе и даже уваженіе кадетъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ фельдфебелемъ въ ротѣ самаго свирѣпаго изъ корпусныхъ капитановъ, Кота-Пыжковскаго, и, слѣдовательно, являлся посредникомъ между имъ и несчастными ста двадцатью мальчиками, ему подчиненными и трепетавшими отъ одного его вида. Молодымъ гвардейскимъ офицеромъ онъ далъ

себя замѣтить начальству съ самой выгодной стороны и былъ сдѣланъ адъютантомъ у одного изъ вліятельныхъ генераловъ. Блестящая карьера открывалась передъ нимъ; но онъ, будучи сыномъ одного кирпичедѣла, строителя крѣпостей, предпочелъ ей фортуну: вышелъ въ отставку и сталъ директоромъ одного большого банка, съ 50.000 руб. годового жалованья. Болѣе десяти лѣтъ царилъ онъ полновластно въ этомъ банкѣ, пока наконецъ кассиръ, имъ же покровительствованный, не обокралъ банка на многіе милліоны. Тогда на судѣ оказалось, что самъ Фельдгёрстъ покровительствовалъ разнымъ финансовымъ свѣтиламъ наживаться на счетъ своего банка; но все прошло благополучно: кассира, для приличія, выселили въ другой городъ, а честный директоръ остался въ томъ же и только вышелъ въ отставку, не внеся, конечно, ни полушки на покрытіе потерь акціонеровъ, обворованныхъ подъ его наблюденіемъ и руководствомъ... Скончаться изволилъ въ пышной виллѣ, подъ небомъ Италіи.

Возьму еще примѣръ образцоваго кадета и опять фельдфебеля-тянучки, крикуна, любившаго жаловаться за-все-про-все капитану и, слѣдовательно, подводившаго подъ розги множество мальчугановъ самой маловозрастной роты. Онъ, по выходѣ изъ корпуса, посвятилъ было себя наукѣ, и притомъ самой безстрастной и безпристрастной, математикѣ; но скоро уразумѣлъ, что по этой дорогѣ никуда, кромѣ честной могилы, не дойдешь. Тогда у него, вовсе не юриста, явилось желаніе перейти въ аудиторы, гдѣ онъ и пописывалъ много лѣтъ приговоры военно-судныхъ коммиссій о наказаніи розгами, прогнаніи сквозь строй, разстрѣливаніи... Ѣлъ и пилъ онъ при этомъ спокойно и изъ худощаваго кадета сталъ было тяжеловѣснымъ чиновникомъ; но судьба не пощадила благодушествовавшаго агента военной Ѳемиды: въ немъ завелись какіе-то черви и съѣли его живого. Напрасны были крики раскаянія, громкіе зовы о помощи, — никто изъ знакомыхъ не посѣтилъ ни спальни страдальца, ни даже его могилы, и только у немногихъ сослуживцевъ осталось въ памяти его имя, которое, по какой-то странной игрѣ случая, было Андрей Степановичъ *Линчъ*.

Кажется, я здѣсь не подбиралъ, не подтасовывалъ ни фактовъ, ни лицъ, а бралъ только на выдержку, кто первый пришелъ на память,—и въ результатѣ воспоминанія неутѣшительныя. Эта неутѣшительность усиливается еще тѣмъ, что вообще многіе изъ нравственныхъ уродовъ, произведенныхъ корпусомъ,

занимали потомъ вліятельные посты и лежали бревнами на дорогѣ умственнаго, нравственнаго и политическаго развитія Россіи. Но и это еще не все, что можно сказать о калѣченіи юношескихъ натуръ корпусомъ и объ его послѣдствіяхъ. Къ даннымъ положительнымъ я могу присоединить еще отрицательныя, свидѣтельствующія, какъ казарменное воспитаніе давило всходы, обѣщавшіе богатую жатву. Милый и острый поэтъ В. К..... былъ мой одноклассникъ; въ способностяхъ его сомнѣваться было трудно, за поведеніе упрекнуть было нельзя, потому что оно всегда было скромно и благородно, хотя независимо-честно. Но вотъ эта-то честная независимость, т.-е. отсутствіе низкопоклонства и подлой «искательности», да нѣкоторая небрежность въ одеждѣ, слабость по фронту—заперли ему дорогу въ міръ горній. Начальство, въ лицѣ Кота-Пыжковскаго, преслѣдовало бѣднаго отрока-поэта и, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать развитію его таланта доставленіемъ ему возможности читать лучшія произведенія, хоть нашей родной, подцензурной музы, мучило его мелкими педагогическими придирками и никогда не удостоивало ни одного галуна, даже ефрейторскаго. (Не потому ли поэтъ и полюбилъ потомъ Беранже, что муза послѣдняго тоже была безгалунною?) Другой высокодаровитый и изящный юноша, математикъ и поэтъ вмѣстѣ, Гореславовъ, погибъ подъ давленіемъ бездушной среды, съ которой пытался бороться... Онъ свободно владѣлъ многими частями дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій, въ семнадцать лѣтъ безъ учителя понималъ Гаусса и Коши и мечталъ приложить свои математическія дарованія къ разработкѣ частичной физики, химіи, минералогіи, т.-е., быть-можетъ, рѣшить величайшій вопросъ современной науки, а начальство хотѣло сдѣлать изъ него, красиваго мальчика, ординарца, способнаго сдѣлать 5 — 10 шаговъ и одинъ вывертъ ружьемъ «на-караулъ» по всѣмъ правиламъ рекрутской школы. Онъ былъ поэтъ-гуманистъ, съ веселымъ нравомъ, съ блестящимъ, острымъ умомъ и съ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства, а ротные педагоги хотѣли, чтобъ онъ сталъ степенной посредственностью, и преслѣдовали свою цѣль съ обычными грубостью и безтактностью. Гореславовъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и отвѣтилъ на эти насилія попойкой, за которую былъ высѣченъ и разжалованъ при переходѣ въ выпускной классъ, а потому, подобно мнѣ, вышелъ въ артиллерію, а не въ гвардію, т. е. не остался въ Петербургѣ, гдѣ бы могъ посвятить себя

литературѣ или наукѣ. Провинціальная жизнь, въ какомъ-то глухомъ жидовскомъ мѣстечкѣ, доконала его. Спасаясь отъ ея духоты, онъ бросился было на службу въ одинъ отдаленный край, но тамъ нашелъ безвременную могилу, притомъ до извѣстной степени добровольную...

Впрочемъ, оставлю пока перечисленіе послѣдствій, *выводовъ* изъ корпусной жизни,—выводовъ не отвлеченныхъ, а живыхъ, съ руками, ногами, головой, сердцемъ и пр.,—и вернусь къ самому *ходу ея*, обусловливавшему эти выводы, дѣлавшему ихъ неизбѣжными. Мѣсяца черезъ полтора послѣ моего поступленія, когда я уже втянулся во всѣ порядки и зналъ, во сколько минутъ какого часа что дѣлается въ ротѣ и классахъ, я былъ однажды смущенъ нѣсколько раннимъ окончаніемъ фронтового ученья, которое у насъ занимало время отъ 11 до 1 часу. Между кадетами пронесся глухой слухъ, что сейчасъ будетъ расправа съ однимъ товарищемъ, «нагрубившимъ офицеру». Пока мы строились по отдѣленіямъ и выходили потомъ въ залу, въ послѣднюю дѣйствительно была принесена скамейка и пришли солдаты съ розгами. Вслѣдъ затѣмъ пришелъ баталіонный командиръ, Цаплинъ, и привели изъ-подъ ареста 19-лѣтняго юношу, ефрейтора изъ выпускного класса, Іонова. Что онъ сдѣлалъ, я до сихъ поръ не знаю; но начальство сначала его обругало, т. е. нанесло множество нравственныхъ оскорбленій, а потомъ велѣло его раздѣть и разложить на скамейку. Совершенно блѣдный отъ злобы и сознанія своего безсилія, молодой человѣкъ однако не позволилъ себя раздѣвать и раскладывать другимъ и молча исполнилъ все это самъ. Тогда послышался свистъ и хлестаніе розогъ и вслѣдъ затѣмъ какой-то подавленный визгъ бѣднаго юноши. Я стоялъ въ задней шеренгѣ, у самой выходной арки, и потому, не дожидаясь дальнѣйшаго хода истязанія, убѣжалъ на лѣстницу, гдѣ и ждалъ нѣсколько минутъ подхода роты, отправлявшейся къ столу. Минуты эти показались мнѣ безконечно долгими, и мнѣ во время ихъ все казалось, что вотъ меня хватятся, отыщутъ и тоже выдерутъ за несочувствіе, т. е. за неуваженіе къ начальству. Каковы эти минуты были для Іонова, я не знаю; но вечеромъ я его видѣлъ въ ротѣ съ осунувшимся лицомъ, съ мутными глазами, смотрѣвшими куда-то въ пространство и очевидно не замѣчавшими, что̀ происходитъ вокругъ. Восемьдесятъ розогъ передъ ротою, и это за семь-восемь мѣсяцевъ до производства въ офицеры!... Онъ совершенно почти

бросилъ заниматься, кажется, по временамъ запивалъ, получая водку черезъ ходившихъ въ отпускъ товарищей, а то черезъ ротныхъ сторожей, тѣхъ самыхъ, что его сѣкли. Выпущенъ онъ былъ, если не ошибаюсь, въ линейные батальоны и не болѣе какъ въ армію, несмотря на прежніе классные успѣхи.

Около мѣсяца спустя, передъ уходомъ роты въ послѣобѣденные классы, каптенармусъ мнѣ сказалъ, чтобъ я зашелъ въ аммуничникъ перемѣнить сапоги, у которыхъ пробились подошвы. Зайдя туда, я сталъ рыться въ кучѣ поношенныхъ, но починенныхъ сапогъ, лежавшихъ за вѣшалкою, на которой висѣли шинели. Вдругъ, слышу, входитъ ротный командиръ, Сурбатовъ, и за нимъ небольшого роста кадетъ, Паринъ. Послѣдній тихо плачетъ и проситъ прощенія. «Нельзя, никакъ нельзя,—отвѣчаетъ Сурбатовъ, точно онъ готовится исполнить Высочайшее повелѣніе,—я васъ двѣ недѣли тому назадъ простилъ, а вы все продолжаете дурно учиться, получать единицы».—«Да что же мнѣ дѣлать, когда у меня нѣтъ способностей къ математикѣ? Не могли же онѣ явиться за двѣ недѣли!»—«А вы бы старались,—возражаетъ Сурбатовъ тономъ человѣка, спокойно дебатирующаго какой-нибудь теоретическій вопросъ въ засѣданіи ученаго общества.—Вѣдь сказано: терпѣніе и трудъ все перетрутъ...» Пока этотъ діалогъ продолжался, я изъ моей засады замѣтилъ, что среди аммуничника появилась скамейка, и бѣднаго Парина начали раздѣвать, причемъ онъ трепеталъ, но не сопротивлялся. «Простите!»—сказалъ онъ еще; но уже розга свистѣла въ воздухѣ, и я увидѣлъ сквозь отверстіе между шинелями, какъ тѣло его покрылось рубцами. Онъ продолжалъ тихо стонать, пока его сѣкли, что̀ впрочемъ продолжалось едва ли и минуту, потому что онъ получилъ всего шесть ударовъ, да и то далеко не «горячихъ», такъ какъ солдаты, понимая лучше капитана, что розгами ума не прибавишь, стегали не очень сильно. Сказавъ: «довольно!»—Сурбатовъ взялъ каску и быстро вышелъ изъ аммуничника черезъ переднія двери, и мы слышали, какъ въ пустыхъ залахъ роты раздавались его тяжелые, постепенно удалявшіеся, шаги. Взглянувъ въ это время сквозь шинели еще разъ, я увидѣлъ въ профиль одѣвавшагося Парина: лицо его горѣло, глаза были налиты кровью и въ нихъ свѣтился какой-то странный огонь. А, господа педагоги, поклонники розогъ, вы вѣрно, въ большей части случаевъ, не читали сочиненій Тиссо, Розенблюма, Брауна и пр., и не знаете, куда ведетъ ваша «полировка крови»,

какъ выражались вы прежде, или «возбужденіе энергіи», какъ говорите вы иногда теперь!... Примите же на себя проклятіе всѣхъ матерей и отцовъ тѣхъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ вы учили и учите «уму-разуму» или «здравой морали» помощью истязаній! Примите его и отъ тѣхъ, кто, не имѣя собственныхъ дѣтей, какъ сторонніе наблюдатели, видятъ упадокъ физическаго развитія человѣчества: впалыя груди, дряблые мускулы, гнилые зубы и мутные глаза въ 16—18 лѣтъ, умственную отупѣлость въ самые цвѣтущіе годы жизни, подлость характеровъ и частыя сумасшествія въ періодъ, когда умъ долженъ бы отличаться особенной ясностью. На вашей же совѣсти лежитъ и большая часть самоубійствъ, особенно молодыхъ людей...

Мѣсяца черезъ три послѣ моего поступленія въ корпусъ начались обычные полугодовые экзамены, и мой относительный вѣсъ, по крайней мѣрѣ въ классахъ, опредѣлился навсегда. Я былъ записанъ на красную доску и уже не сходилъ съ нея до самаго выпуска, кромѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ 1-мъ спеціальномъ классѣ, когда столкновеніе съ *ротными* властями стоило мнѣ галуновъ, двухъ балловъ за поведеніе и красной доски. Инспекторъ классовъ и учителя были ко мнѣ внимательны; несмотря на принадлежность къ одному изъ низшихъ классовъ, я получилъ право посѣщать корпусную библіотеку и нерѣдко пользовался этимъ правомъ, если приготовленіе какихъ-нибудь особыхъ задачъ или сочиненій не задерживало на цѣлый вечеръ въ ротѣ. Пользуясь этимъ мирнымъ временемъ, припомню весь строй нашей вседневной жизни, чтобъ оцѣнить, насколько онъ согласовался съ физическими и нравственными потребностями развивающагося организма. Во-первыхъ, питаніе, которое должно было, по теоріи, не только покрывать всѣ расходы тѣла на классныя и ротныя работы, но и доставлять ему тотъ избытокъ веществъ, которымъ обусловливается ростъ юношей и ихъ способность къ трудамъ. Что оно было недостаточно, объ этомъ едва ли стóитъ говорить, потому что гдѣ же и когда въ воспитательныхъ, а тѣмъ болѣе казенныхъ, заведеніяхъ кормили и кормятъ дѣтей порядочно? Столъ ихъ—обычный источникъ экономій начальства, употребляемыхъ имъ если не въ личную пользу, то на покрытіе такихъ издержекъ, которыя непредвидѣны бюджетомъ заведенія. Въ этомъ смыслѣ воспитанники—люди ничѣмъ не отличающіеся отъ лошадей въ полкахъ и батареяхъ, имѣя съ ними и то общее, что ихъ никогда не спрашиваютъ даже инспектирую-

щія власти: достаточно ли ихъ кормятъ? Въ нашемъ корпусѣ эта кухонная бережливость начальства доходила до того, что кадеты круглый годъ, въ будніе дни, знали только одно мясное блюдо, да и то какое?—битки, напримѣръ, изъ вываренной говядины или пирожки съ одними почти сухожиліями, тоже предварительно вываренными. Особенно велика бывала эта скаредность послѣ царскаго посѣщенія корпуса въ половинѣ зимы, передъ которымъ начальство нѣсколько разщедрялось изъ страха, но съ тѣмъ, чтобы потомъ стать усиленно экономнымъ. Оттого каждое воскресенье воспитанники—или по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые имѣли деньги—поѣдали, въ видѣ *лакомства,* не малое количество ветчины, колбасъ, холодной жареной говядины съ хлѣбомъ и масломъ, и т. п. Сколько отъ такого недостатка питательныхъ, особенно азотистыхъ, веществъ терпѣло развитіе нервной и мускульной системы,—можетъ оцѣнить всякій, знакомый съ физіологическою химіей. Затѣмъ въ составѣ обѣда (320 дней въ году) находили мѣсто: супъ, варенный на томъ самомъ мясѣ, которое подавалось какъ второе блюдо, и каша, гречневая или ячменная. Въ нѣкоторые праздники къ этому добавлялся пирожокъ или какое-нибудь колечко изъ здобнаго тѣста—предметы почти невѣсомые. За завтракомъ, въ 7 часовъ утра, ежедневно давалась пшеничная булочка величиною въ кулакъ, съ кружкою сбитня; за ужиномъ — то же и еще ломоть чернаго хлѣба съ масломъ. Кусокъ чернаго же хлѣба, но просто съ солью, доставался еще тѣмъ, кто раньше другихъ приходилъ изъ классовъ въ роту въ 11 часовъ утра; но этотъ подкрѣпляющій кусокъ не былъ достояніемъ общимъ, и кадеты младшихъ классовъ, возвращавшіеся нѣсколькими секундами позже, обыкновенно уже не находили ничего въ хлѣбной корзинѣ, расхищенной старшими. Какъ слѣдствіе недостатка питанія, являлась, разумѣется, дряблость мускуловъ, истомленность нервовъ, вообще худощавость, недоразвитость организма воспитанниковъ, въ противоположность классической полнотѣ экономa и его кухоннаго надзирателя изъ отставныхъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ, на полноту котораго обращалъ вниманіе самъ императоръ Николай Павловичъ. Лица румяныя, веселыя, съ блестящими, полными жизни глазами почти не встрѣчались въ корпусѣ. За то въ лазаретѣ бывало среднимъ числомъ 5%, а нерѣдко и 7%, особливо зимою, когда къ голоду присоединялся холодъ и съ нимъ простуды отъ гуляній по улицамъ и по плацу,

«для здоровья», въ однѣхъ курткахъ, къ которымъ легкія шинели прибавили лишь на четвертый годъ моего пребыванія въ корпусѣ. Число чахоточныхъ всегда было очень значительно.

Теперь перейду къ научнымъ занятіямъ. Имъ было посвящено ежедневно не менѣе 9 часовъ, изъ которыхъ 6—въ классахъ, т. е. при молчаливомъ сидѣньи на однѣхъ мѣстахъ, часто нагнувшись къ столу, и 3—въ ротахъ, гдѣ также казарменные педагоги изъ армейскихъ офицеровъ по возможности усаживали насъ, запрещая ходить съ тетрадями и книгами по корридорамъ и заламъ, для избѣжанія шума, а главное, разумѣется, для облегченія ихъ, надзирателей, въ дѣлѣ наблюденія. Девять часовъ въ сутки въ сидячемъ положеніи, при постоянной работѣ головного мозга, при скудной пищѣ, въ атмосферѣ, которая состояла далеко не изъ однихъ кислорода и азота, а по временамъ, я думаю, заключала и меркоптанъ!... Это жестоко и можетъ идти въ одинъ уровень съ 13-часовою механическою работой человѣка взрослаго, кормимаго вдосталь и дышущаго свѣжимъ воздухомъ. На мускульныя движенія оставалось въ сутки 6 часовъ; но изъ нихъ 2 были употребляемы не столько на развитіе мышечной системы организма, сколько для ея подавленія, одеревенѣнія. Разумѣю фронтовыя ученья передъ обѣдомъ, во время которыхъ приходилось стоять два часа сряду безъ малѣйшаго присѣста, да еще подъ ружьемъ, на вытяжку. И этому подвергались не только взрослые юноши, 17—18 лѣтъ, а и 12-лѣтніе отроки, потому что военная педагогія не умѣла возвыситься до самыхъ основныхъ гигіеническихъ понятій и все приносила въ жертву казарменному однообразію, нивелировкѣ силъ и способностей. На сонъ намъ полагалось 8 часовъ, а ужь конечно никто не упускалъ возможности дѣйствительно спать все это время (10 час. веч. — 6 утра), если только не было какихъ-нибудь трудныхъ задачъ къ слѣдующему дню... 9+2+8=19: стало-быть, на жизнь собственно, на наслажденіе ею, — хотя это выраженіе для заключенныхъ, поднадзорныхъ, нелѣпо,— оставалось всего 5 часовъ изъ 24-хъ. Но было бы ошибочно думать, что мы—не говорю—наслаждались, а хоть распоряжались этимъ временемъ по своему усмотрѣнію. Напротивъ, почти все оно шло на чистку платья, сапогъ, касокъ, ружей и пр., на умыванье, одѣванье и уборку кроватей, на стойку у послѣднихъ на вытяжкѣ для пріема генерала или батальоннаго командира, на разные смотры начальниковъ болѣе близкихъ, на ходьбу въ классы, въ

манежъ и въ столовую залу, которая была далеко отъ ротныхъ помѣщеній, на вечернюю гимнастику, на уроки танцевъ и пѣнія, наконецъ на обѣды, завтраки и ужины. Собственно свободнаго времени, которое можно было посвящать отдыху, бесѣдѣ съ друзьями, занятіямъ по собственному вкусу и наконецъ прогулкамъ и играмъ, оставалось въ будній день не болѣе получаса, да и то урывками, минутъ по 10—12 каждый разъ. Нужна мощная, геніальная организація, чтобы при этихъ условіяхъ не утратить совершенно индивидуальности, не стать безличною пошлостью. И въ самомъ дѣлѣ, многіе ли изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ (не считая, конечно, пажескаго и школы гвардейскихъ юнкеровъ, т. е. заведеній, наполненныхъ аристократіей, которой можно, пожалуй, и не учиться для блистательнаго прохожденія службы),—многіе ли, говорю, изъ бывшихъ кадетъ возвысились надъ уровнемъ безцвѣтной пошлости? А вѣдь число ихъ въ русскомъ дворянскомъ обществѣ очень велико, безъ сравненія больше, чѣмъ, наприм., воспитанниковъ бывшаго университетскаго пансіона въ Москвѣ, доставившаго Россіи столько славныхъ именъ... Наилучшіе молодые люди, по выходѣ изъ корпусныхъ стѣнъ, если хотѣли стать людьми, а не пѣшками, должны были совершенно передѣлывать себя и прежде всего заботиться о возстановленіи въ себѣ чувства человѣческаго достоинства и способности мыслить и дѣйствовать самостоятельно; но далеко не всѣмъ это удавалось не только въ армейскихъ войскахъ, но въ гвардіи и даже въ военныхъ академіяхъ. Печать казарменнаго воспитанія стиралась нелегко, да и едва ли когда стиралась совсѣмъ.

До чего же упадокъ чувства человѣческаго достоинства могъ простираться и дѣйствительно простирался въ кадетахъ, можно видѣть изъ коротенькой характеристики долго существовавшаго типа «стараго кадета». Этимъ именемъ назывались отнюдь не одни воспитанники старшаго возраста,—совсѣмъ нѣтъ: «почетный» титулъ стараго кадета и даже «закàла» принадлежалъ тѣмъ, кто прошелъ корпусные огонь и воду и усвоилъ извѣстныя размашистыя привычки, хотя бы на четырнадцатомъ году отъ роду. Во-первыхъ, старый кадетъ, а тѣмъ болѣе закàлъ, всегда носилъ широкіе куртку и панталоны, причемъ часто разстегивалъ воротникъ и бортъ первой. Фуражка у него бывала изогнута корабликомъ и носилась на бекрень. Во-вторыхъ, онъ говорилъ непремѣнно басомъ, хотя бы былъ четырнадцатилѣт-

нимъ мальчишкой. Въ-третьихъ, учиться въ классахъ онъ долженъ былъ небрежно, хотя другой разъ и успѣшно, что зависѣло отъ способностей. Въ-четвертыхъ, и самое главное, онъ долженъ былъ выдержать нѣсколько сильныхъ нóрокъ и даже, по возможности, не издавъ ни одного крика, что и давало ему право на титулъ закáла. Это послѣднее обстоятельство было даже опоэтизировано въ одномъ кадетскомъ стихотвореніи, которое по содержанію и напѣву составляло пародію на одни извѣстные стихи и заключало, между прочимъ, слѣдующую строфу:

Полицейской, разъ, стражѣ
Попался кумъ въ кражѣ.
Его тотчасъ схватили
И сто палокъ ввалили;
Но онъ былъ такой закалъ,
Что ни разу не вскричалъ! *).

Прибавлю еще, въ дополненіе къ этой характеристикѣ, что закáлъ обыкновенно бывалъ отличнымъ фронтовикомъ, будущимъ Скалозубомъ; на-караулъ онъ дѣлалъ съ вывертомъ и могъ, при случаѣ, переложить ружейный прикладъ, не ударяя имъ ни почему постороннему. Начальство, хотя и сильно пороло по временамъ отдѣльныхъ старыхъ кадетъ**), но въ сущности благоволило къ нимъ, какъ къ надежнымъ основамъ кадетскаго общества и къ будущимъ столбамъ офицерской корпораціи въ арміи. И если старый кадетъ не совсѣмъ дурно учился и не попадался въ пьянствѣ или въ распутствѣ, то подъ конецъ его карьеры ротный командиръ обыкновенно вытягивалъ его въ унтеръ-офицеры или хоть въ ефрейторы. Старый кадетъ относился всегда съ презрѣ-

*) Вотъ нѣсколько другихъ отрывковъ изъ той же юмористической „катавасіи“, какъ говорилось въ корпусѣ, — отрывковъ, характеризующихъ старокадетскіе идеалы:

Мы къ хозяину пришли
Не хозяюшку смотрѣть,—
Мы пришли смотрѣть вино:
Не прокисло ли оно?
Наливай, братъ, наливай!
Наливай полнѣе!
Чѣмъ полнѣе ты нальешь,
Тѣмъ вино вкуснѣе!

**) Для нихъ употреблялись особые пріемы сѣченія, длинными, аршинными розгами, иногда просоленными, съ разстановками, чтобы „хорошенько пробрать“. По временамъ къ экзекуціи приглашался докторъ, чтобы видѣть, не слишкомъ ли опасна порка для здоровья и самой жизни.

ніемъ къ мелюзгѣ, съ нѣкоторою ненавистью къ товарищамъ, обошедшимъ его по служебной дорогѣ, и съ открытою злобой къ тѣмъ, кто не уважалъ его закальство. На послѣднихъ, при случаѣ, сыпались и колотушки, грубая же брань—постоянно. Большинство уважало старыхъ кадетъ, во-первыхъ, за переносимыя ими отъ начальства усиленныя истязанія, а во-вторыхъ—потому, что они нерѣдко бывали отважны и говорили офицерамъ дерзости: этихъ послѣднихъ само начальство побаивалось, такъ какъ они были способны на все. Такъ однажды старый кадетъ, Гмель, въ то время, какъ ротный командиръ, Котъ-Пыжковскій, хотѣлъ его высѣчь, схватилъ ружье и изо всей силы ударилъ изверга по колѣнамъ, такъ что тотъ упалъ. Разумѣется, за это онъ былъ тутъ же исполосованъ не на животъ, а на смерть. О сдѣланномъ имъ «оскорбленіи дѣйствіемъ», какъ говорится теперь изъ вѣжливости, побитый педагогъ однако не счелъ нужнымъ доводить до начальства, вѣроятно, опасаясь лишиться мѣста въ случаѣ слѣдствія, а можетъ-быть и потому, что надѣялся вскорѣ еще разъ упиться кровью оскорбителя... Я говорю послѣднее съ полнымъ сознаніемъ и внутреннею увѣренностью, что это могло быть такъ, потому что въ теченіе почти трехъ лѣтъ пребыванія въ ротѣ Кота-Пыжковскаго достаточно узналъ его.

Выше я упомянулъ, что начальство благопріятствовало развитію старокадетчины, хотя, разумѣется, не во всѣхъ ея проявленіяхъ. Вотъ фактъ, который показываетъ, съ какими оно мирилось и какія даже похваляло. Это опять стихотвореніе, на этотъ разъ оффиціально распѣвавшееся, напримѣръ, на походѣ кадетъ въ лагерь, подъ Петергофъ:

Молодцамъ солдатамъ
Не объ чемъ тужить:
Съ командиромъ-хватомъ
Любо, братцы, жить!
Онъ насъ не печалитъ,
Онъ насъ не гнететъ,
А за дѣло хвалитъ
И за дѣло *бьетъ*.

Возведя такимъ образомъ битье въ *conditio sine qua non* военной службы, восхваляемое самими солдатами, оффиціальный поэтъ-аракчеевецъ старался прельстить молодежь слѣдующими подробностями беззаботнаго, будто бы, солдатскаго житья, удостовѣряющими, что воинъ въ понятіяхъ властей того времени былъ

не гражданинъ, вооруженный на защиту отечества отъ внѣшнихъ враговъ, а кукла для забавы начальства. Солдаты поютъ про то, какова ихъ жизнь въ лагерѣ:

Пригоняемъ ранцы,
Ставимъ ихъ рядкомъ,
И наводимъ глянцы
Костянымъ зубкомъ.
А пригнавъ все гладко,
Цѣлу ночь потомъ
Спимъ въ палаткахъ сладко,
Богатырскимъ сномъ.
Но за то ужь, братцы,
Вышедъ на парадъ,
Каждый радъ стараться
Подтянуть прикладъ,
Чтобы шагомъ плавнымъ
Угодить отцамъ,
Командирамъ главнымъ,
Свѣтамъ-молодцамъ!...

Какія послѣдствія произвела эта поэтическая философія, прививавшаяся систематически будущимъ вождямъ арміи, показали примѣры войнъ венгерской и крымской. Въ первую венгерскій главнокомандующій Гёрги запретилъ стрѣлять по нашимъ «вождямъ», потому что подъ начальствомъ ихъ солдаты хуже сражались; во вторую — «командиры-хваты» прятались по оврагамъ (подъ Алмой) или въ обозъ (откуда, въ Азіятской Турціи, выгонялъ ихъ князь Бебутовъ). Замѣчу, что приведенная сейчасъ пѣсня была положена на музыку плавнаго, т. е. тихаго, марша, и мы часто подъ звуки этого музыкальнаго произведенія измѣряли манежъ и плацъ «шагомъ журавлинымъ», какъ говорилъ Денисъ Давыдовъ.

Противно вспоминать эти подробности казарменной дрессировки (слово *воспитаніе* почти не идетъ сюда); но, разъ начавъ говорить о нихъ, лучше ужь кончить. Откуда приходило вдохновеніе или по крайней мѣрѣ покровительство палочнымъ педагогамъ, вѣроятно воображавшимъ, что они дѣлаютъ дѣло если не доброе, то полезное?—Разумѣется, сверху, отъ Аракчеевыхъ, Капцевичей и достойныхъ ихъ продолжателей, изъ которыхъ одинъ былъ извѣстенъ у кадетъ просто подъ именемъ Карла Иваныча, хотя носилъ крупный чинъ и, говорятъ, приходился близкимъ

родственникомъ фельдмаршалу Шварценбергу, что въ 1812 году дѣлалъ нашествіе на Россію подъ начальствомъ Наполеона, а въ 1813 году командовалъ русскими войсками противъ Наполеона. Палки всегда казались нѣмцамъ и ихъ ученикамъ единственнымъ средствомъ «образованія» русскихъ воиновъ; они внесли этотъ завѣтъ даже въ Сводъ русскихъ военныхъ законовъ, гдѣ поддерживали и наказанія въ родѣ 12.000 ударовъ хлыстами (шпицрутенами). Въ числѣ усердныхъ почитателей этого палочнаго режима былъ и нашъ директоръ Плахинъ, въ молодости либералъ, разжалованный въ солдаты, а потомъ—звѣрь, какъ всѣ ренегаты. Онъ возвелъ систему жестокихъ тѣлесныхъ наказаній несчастныхъ сыновъ благороднаго россійскаго дворянства въ религіозный культъ, котораго былъ неумолимымъ жрецомъ. «Лѣсу! Антихристовъ!»—кричитъ онъ, бывало, видя какого-нибудь воспитанника, положимъ даже лѣнтяя, за чернымъ столомъ. И антихристы являлись на директорскій зовъ дѣйствительно съ цѣлымъ лѣсомъ, обращеннымъ въ полновѣсные пучки. Во время самаго обѣда начиналась кровавая арія, послѣ которой наказанныхъ выносили на простыняхъ, въ видѣ истерзанныхъ, полуживыхъ труповъ. Я, по счастію, засталъ только самый конецъ этой звѣрской диктатуры, и она при мнѣ была уже нѣсколько мягче прежняго; но все же и въ самой Петропавловской крѣпости свирѣпость генерала П..... не оставалась не замѣченною, какъ я уже упомянулъ на первыхъ страницахъ этихъ воспоминаній. И, разумѣется, каковъ былъ попъ, таковъ и причетъ. Въ корпусѣ былъ баталіонный командиръ Грумъ, который, не ограничиваясь жестокимъ битьемъ кадетъ по «педагогическимъ» частямъ тѣла, какъ говорилъ профессоръ Ростиславовъ, переворачивалъ ихъ и сѣкъ по животу. Варварство это открылось и Грумъ былъ прогнанъ въ линейные батальоны, если только не въ арестантскія роты, но, къ сожалѣнію, для командованія же, а не для исправленія по той системѣ, по которой онъ самъ «исправлялъ» другихъ. Не разъ упомянутый мною Котъ-Пыжковскій былъ ягодою того же поля и хоть по животу не сѣкалъ, но истязалъ мальчиковъ, ввѣренныхъ его «попеченію», такъ, что струпья не сходили по мѣсяцу, а знаки оставались на цѣлую жизнь. Это онъ называлъ: «ѣду, ѣду не свищу, а заѣду—не спущу!» У директора онъ считался лучшимъ изъ ротныхъ командировъ... Но о немъ—особо.

Года черезъ полтора послѣ моего поступленія въ корпусъ нашъ звѣроподобный директоръ-ренегатъ умеръ и на мѣсто его поставленъ былъ человѣкъ совершенно другого типа, топорно-вѣжливый нѣмецъ, бывшій прежде у кого-то адъютантомъ, а потомъ командовавшій полкомъ, расположеннымъ гдѣ-то въ военныхъ поселеніяхъ, и вѣроятно потому на первый разъ желавшій отличиться запрещеніемъ розогъ, которыя должны были ему опротивѣть въ теченіе послѣднихъ лѣтъ службы. Запрещеніе и послѣдовало, но не безусловное. Его превосходительство отнялъ право драться у ротныхъ и даже баталіоннаго командировъ, но сохранилъ его за собою, то-есть капитанъ или полковникъ, прежде, чѣмъ высѣчь кадета, должны были доложить о его проступкѣ генералу и уже только съ его разрѣшенія производить экзекуцію. Мало того, чтобъ обуздать кровожадные инстинкты педагоговъ, уже годами привыкшихъ къ сѣченью воспитанниковъ, онъ сталъ обязывать ихъ представлять свои доклады о необходимости тѣлесной расправы цѣлому воспитательному комитету, т. е. собранію всѣхъ «воспитателей», въ которомъ находили мѣсто и инспекторъ классовъ, и священникъ, и даже иногда наставники-наблюдатели по обученію главнымъ наукамъ, т. е. вообще представители гуманизма. Методическій Гельденвюрстъ думалъ, что въ такой средѣ, собиравшейся притомъ не болѣе раза въ недѣлю, ротные командиры устыдятся входить съ большимъ числомъ требованій на розги; и дѣйствительно, на первое время эти господа присмирѣли. Но это перемиріе было весьма коротко, во-первыхъ, потому, что въ воспитательномъ комитетѣ ротныя начальства все же составляли большинство, дружно требовавшее прежнихъ правъ, подъ предлогомъ, что иначе школьники утратятъ всякое уваженіе къ нимъ, и, во-вторыхъ, потому, что генералъ, обязавъ капитановъ не драться безъ его разрѣшенія, не принялъ и не могъ принять никакихъ мѣръ къ наблюденію за этими закоренѣлыми сѣкарями. Онъ не рѣшился даже сдѣлать свое мѣропріятіе гласнымъ, т. е. отдать о немъ въ приказѣ по корпусу, конечно, изъ опасенія, внушеннаго ему его помощниками, что такая гласность произведетъ революцію. О немедленной замѣнѣ гнилого персонала этихъ помощниковъ не могъ онъ и думать, потому что замѣнить ихъ было бы некѣмъ: гвардейскіе офицеры въ корпусные воспитатели не пошли бы, а изъ арміи можно бы было, пожалуй, получить такой подборъ, что было бы хуже прежняго. Итакъ, не прошло и нѣсколькихъ не-

дѣль, какъ неосновательность, непрактичность псевдо-либеральнаго мѣропріятія Гольденвюрста обнаружились. Въ эти недѣли ротные командиры,—конечно, по общему сговору,—напредставляли въ комитетъ цѣлые списки кадетъ «достойныхъ» порки и настояли на ея исполненіи. При этомъ, вѣроятно, для вящшаго эффекта, она должна была совершиться совокупно и отъ имени его превосходительства. Приказано было собрать осужденныхъ изъ всѣхъ ротъ въ общую столовую залу и туда же привести всѣхъ вообще кадетъ, имѣвшихъ менѣе шести балловъ за поведеніе. «Для примѣра» послѣднимъ будто и назначалась эта гуманная, огульная порка «по усиленному, генеральскому, окладу», какъ говорили вернувшіеся съ экзекуціи товарищи-зрители. Какую принесла она пользу?—Разумѣется, никакой, кромѣ развѣ того, что окружила публичнымъ ореоломъ мученичества наказанныхъ, особено тѣхъ, которые во время и послѣ истязанія вели себя молодцами. «Ну, братъ, выпороли!—говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, Энгельсонъ.—Вся рубашка въ крови, сплошь, а не то, что пятнами. Я ужь и не помнилъ, когда перестали меня сѣчь. Однако, ничего, отдышался: доставать патронъ можно»... Для поясненія послѣдняго нужно вспомнить, что въ числѣ ружейныхъ пріемовъ того времени былъ одинъ: «доставай патронъ», который на ученьяхъ замѣнялся ударомъ правой руки по «педагогической» части тѣла. Энгельсонъ, бывшій до порки довольно скромнымъ мальчикомъ, который въ 14—15 лѣтъ говорилъ, разумѣется, обычнымъ этому возрасту отроческимъ голосомъ, теперь сталъ говорить басомъ, утратилъ настолько стыдъ, что показывалъ пріятелямъ изсѣченныя части тѣла, пока онѣ были покрыты струпьями, куртку и панталоны сталъ носить широчайшіе и вообще сдѣлался закаломъ. Учиться онъ пересталъ совсѣмъ и, кажется, былъ въ 16 лѣтъ «выгнанъ» въ армію юнкеромъ.

Вѣроятно, замѣтивъ, что система генеральныхъ экзекуцій не приноситъ существенной пользы, а между тѣмъ, вслѣдствіе своей гласности, можетъ повредить репутаціи его, директора,—Гольденвюрстъ не дѣлалъ дальнѣйшихъ опытовъ ея примѣненія и ротные командиры по-прежнему стали расправляться втихомолку. При этомъ иные прямо говорили кадетамъ, что «генералъ думалъ было совсѣмъ уничтожить розги, но видитъ, что вы, господа, этого не заслуживаете, потому что не желаете вести себя благородно». Точно мы, т. е. почти инертная масса, глина, изъ которой казарменные педагоги выдѣлывали что хотѣли, не были

тѣмъ, что изъ насъ создали они же, воспитатели! Да и замѣчаніе о «неблагородствѣ» поведенія было подлою ложью, потому что духъ товарищества почти исключалъ возможность поступковъ безчестныхъ, и еслибы нѣкоторые ротные командиры не формировали для себя въ кадетской средѣ шпіоновъ, то ничего неблагороднаго найти въ ней было бы нельзя. Гольденвюрстъ, кажется, скоро понялъ свое фальшивое положеніе въ нашемъ корпусѣ, гдѣ, несмотря на свое, сравнительно съ Плахинымъ, утонченное обхожденіе съ подчиненными, не былъ любимъ ни офицерами, ни кадетами, а потому перепросился на сходственное мѣсто въ одинъ значительный провинціальный городъ. При этомъ причиною перехода онъ гласно выставлялъ то обстоятельство, что у него тамъ по близости есть деревня, то-есть что, неся службу, онъ не хочетъ бросать и частныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ пресловутая теорія «вполнѣ самоотверженнаго» служенія дѣлу и отечеству, которую намъ постоянно проповѣдывали для примиренія насъ съ предстоявшимъ въ теченіе многихъ лѣтъ годовымъ содержаніемъ въ 200—300 рублей и соотвѣтственными невзгодами, падала въ нашихъ глазахъ сама собою. А потомъ мы узнали, что вопросъ о директорскихъ имѣніяхъ имѣлъ и еще болѣе любопытную сторону. У начальника другого петербургскаго военно-учебнаго заведенія, Лихоѣдова, была подъ Петербургомъ, верстахъ въ сорока, деревенька или мыза, Новоселье, и тамъ почтенный генералъ содержалъ нѣсколько коровъ. Экономъ корпуса имѣлъ съ генеральскимъ управляющимъ контрактъ на поставку въ корпусъ масла и молока. Такимъ образомъ его превосходительство не только воспитывалъ души ввѣренныхъ его попеченію дѣтей, но и питалъ ихъ тѣлеса, нужно полагать, не въ убытокъ себѣ.

Передъ отъѣздомъ Гольденвюрста стали толковать о томъ, кто же будетъ его преемникомъ? Какъ ни страннымъ можетъ показаться, но изъ всего многочисленнаго педагогическаго персонала вѣдомства военно-учебныхъ заведеній не нашлось ни одного достойнаго полковника и даже генерала, которому бы можно было дать директорское мѣсто. А между тѣмъ кандидатами на такое мѣсто могли бы явиться 18 инспекторовъ классовъ, которые почти всѣ были военные, да 19 батальонныхъ, батарейныхъ и подобныхъ имъ командировъ, которые всѣ числились, по закону, «ближайшими помощниками директоровъ по воспитанію юношества». Изъ 37-ми человѣкъ ни одного годнаго—это чего-нибудь

стоитъ для рекомендаціи системы, царившей въ кадетскихъ корпусахъ вѣдомства «департамента военныхъ поселеній!» Пришлось опять обратиться въ армію и тамъ выбрать человѣка по характеру и образованію принадлежавшаго не къ аракчеевской школѣ, а къ болѣе почтенному старому времени. Сѣдой, какъ лунь, но еще живой и привѣтливый, генералъ Воронинъ былъ назначенъ принять нашъ корпусъ отъ сравнительно еще молодого, но безжизненно-холоднаго Гольденвюрста. Результатъ перемѣны вышелъ блестящій. Никогда еще наша фабрика прапорщиковъ не выпускала такого блестящаго ихъ ассортимента, какъ черезъ годъ послѣ вступленія въ должность директора, почтеннаго старца, бездѣтнаго, но любившаго дѣтей, ихъ живыя симпатіи и увлеченія. 29% выпускныхъ признаны были достойными служить въ гвардіи, 39%—въ артиллеріи и только 32%—въ арміи и линейныхъ батальонахъ; въ гарнизонѣ—ни одного. И не то, чтобъ измѣнились наружные корпусные порядки, а духъ заведенія сталъ другой, перемѣнился тонъ отношеній воспитателей къ воспитанникамъ, сталъ человѣчнѣе; отсюда—и блистательныя послѣдствія. Шестидесятилѣтній старецъ самъ любилъ сближаться съ пятнадцати-шестнадцатилѣтними мальчиками и покровительствовалъ имъ, какъ ветеранъ молодымъ солдатамъ. Онъ часто приглашалъ къ себѣ воспитанниковъ, отличавшихся по классамъ, или приличными манерами и поведеніемъ, и дѣлалъ имъ маленькое угощеніе, позволялъ танцевать, даже возиться; музыканты и пѣвцы имъ также не были забыты, и при посредствѣ ихъ дана была—конечно, въ первый разъ съ основанія корпуса — въ стѣнахъ его опера («Робертъ»), на представленіе котораго Воронинъ пригласилъ нѣсколькихъ лицъ изъ лучшаго петербургскаго общества, между прочимъ одного очень любимаго Государемъ генералъ-адъютанта, который такимъ образомъ могъ засвидѣтельствовать во дворцѣ объ успѣхахъ нашего заведенія, честь котораго стала намъ дорога. Шпіонство со стороны ротныхъ властей исчезло; наглое, грубое обхожденіе—тоже. О тѣлесныхъ наказаніяхъ стало почти не слышно, а если и бывали они, то лишь за поступки дѣйствительно гадкіе или не оставлявшіе иного выбора, какъ выбросить воспитанника изъ корпуса или испытать надъ нимъ *ultimam rationem* педагогіи. Сѣченные перестали играть роль героевъ въ глазахъ товарищей, и старокадетчина быстро исчезла. У меня былъ товарищъ, который былъ наказанъ розгами незадолго до выпуска и который всегда съ благодарностью вспоминалъ за это

Воронина: «Онъ,—говорилъ,—не только спасъ меня отъ болѣе жестокой и заслуженной кары, но исправилъ навсегда отъ моего давнишняго недостатка». Самое наказаніе было сдѣлано вполнѣ тайно, чтобы не срамить выпускного кадета, не то что четыре года тому назадъ надъ Іоновымъ.

Я, однако, слишкомъ забѣжалъ впередъ, начавъ говорить о Воронинѣ. Мнѣ слѣдуетъ еще вернуться назадъ, ко временамъ не только Гольденвюрста, но и Плахина. Черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ моего поступленія, когда корпусъ вернулся изъ лагеря, намъ сдѣлали новое распредѣленіе по ротамъ и мнѣ досталось въ роту Кота-Пыжковскаго. Едва пришли мы съ плаца въ залы, какъ свирѣпый Котъ (какъ его звали для краткости) выбѣжалъ изъ аммуничника, гдѣ проводилъ время въ пріятномъ для себя обществѣ каптенармуса Артынова и дядьки Лозовина, и началъ кричать, буквально задыхаясь отъ злобы, съ пѣной у рта, вѣроятно потому, что въ послѣдній день лагеря получилъ отъ выпускныхъ «поученіе бутылкой», либо камнемъ: «Я вступаю въ командованіе ротой. Это не значитъ, что я буду только командовать: направо, налѣво, на-плечо, на-караулъ,—нѣтъ, я васъ возьму въ ежовыя рукавицы! Старые ужь знаютъ какъ, но и новые должны знать. О, новые, берегитесь! Я вѣдь ѣду, ѣду—не свищу, а наѣду—не спущу! У меня ходить по струнке! И одними классами у меня возьмешь не много: у меня своя школа. Хочешь быть спокоенъ, будь тише воды, ниже травы; а нѣтъ, такъ согну въ бараній рогъ, будь хоть семи пядей во лбу. Вы, фельдфебель и унтеръ-офицеры, вы думаете, что у меня можно начальствовать спустя рукава, гладя подчиненныхъ по головкѣ, прикрывая ихъ?—Нѣтъ, съ васъ первыхъ взыщется, и вдвое, чѣмъ съ самого виновнаго. У меня никакихъ поблажекъ! Не тотъ воръ, кто воруетъ, а тотъ, кто потакаетъ...» И такъ далѣе, и такъ далѣе, въ томъ же «благородномъ, благовоспитанномъ» тонѣ, да еще *crescendo*, такъ что, наконецъ, самъ ораторъ охрипъ. Стоявшему поодаль дежурному офицеру онъ не только не подалъ руки, но даже не поклонился; мало того, наругавшись съ воспитанниками, онъ обратился къ послѣднему съ грубо сказанными словами: «ведите роту къ обѣду!» — и затѣмъ повернулъ къ нему спину. У меня, несмотря на годовое пребываніе въ корпусѣ, еще сохранялось понятіе личной чести, щекотливаго самолюбія, и я думалъ, что офицеръ тутъ же заступится за себя и скажетъ, напримѣръ, что «капитанъ, мы призваны давать каде-

тамъ примѣръ благовоспитанности, приличій и взаимнаго уваженія, а вы ведете себя какъ мужикъ», — но не тутъ-то было: офицеръ явилъ примѣръ униженности и походилъ на мокрую курицу, такъ что едва могъ, сдавленнымъ голосомъ, скомандовать: «на-лѣво!» — «Отставить! — закричалъ Пыжковскій. — Нужно, штабсъ-капитанъ, громче командовать. Командуйте вы, фельдфебель!» И эта обида была проглочена офицеромъ, который, однако, былъ всего однимъ чиномъ моложе Кота-Пыжковскаго. Мы всѣ поняли, что съ такимъ звѣремъ нужно держать ухо востро, иначе исковеркаетъ или даже погубитъ ни за что, ни про что, лишь бы показать свою власть.

Съ этого злополучнаго дня началось почти трехлѣтнее давленіе на меня Пыжковскаго, та мелочная, ежедневная тиранія, помощью которой выжимается изъ людей все, что въ нихъ есть самостоятельнаго и даже вообще добраго, и вырабатываются либо низкопоклонныя, подлыя, лицемѣрныя ничтожества, либо ужь отчаянные головорѣзы. Одинъ старый товарищъ моего брата, передъ тѣмъ только-что вышедшаго изъ роты Пыжковскаго въ офицеры, предупредилъ меня въ первые же дни, чтобъ я былъ особенно остороженъ: во-первыхъ, потому, что «Котъ» не любилъ моего брата и таки упёкъ его въ армію, несмотря на артиллерійскія условія по классамъ, а во-вторыхъ, и, главное, потому, что я на красной доскѣ. Хотя послѣднее условіе, казалось бы, должно было давать мнѣ право на благосклонность ротнаго начальства, тѣмъ болѣе, что на красной доскѣ въ ротѣ было всего три человѣка, но у Кота-Пыжковскаго была своя логика, приблизительно такая: «ты на красной доскѣ, умникъ, да только не здѣсь. Мнѣ нужно, чтобы ты былъ хорошимъ фронтовикомъ и отличнаго поведенія, т. е. тише воды, ниже травы, а буде можно, то и доносчикомъ на товарищей, послѣ чего тебя можно, пожалуй, сдѣлать ефрейторомъ, унтеръ-офицеромъ. Вотъ для того, чтобъ узнать, каковъ ты есть и на что годишься, я и буду тебя *испытывать*», т. е. придираться ко всякой мелочи. И онъ *испытывалъ*. «Востоковъ, отчего у васъ галстукъ не выступаетъ на палецъ изъподъ воротника? Вѣдь вы знаете, что это—форма». И вслѣдъ затѣмъ, не давъ мнѣ даже отвѣтить, онъ вытягиваетъ галстукъ на должную высоту, причемъ едва не задушаетъ меня. Когда же, переведя духъ, я отвѣчаю: «Воротникъ у куртки очень высокъ и потому узенькій галстукъ самъ собою опускается ниже его»,—тогда свирѣпый испытатель обращается къ отдѣленному

унтеръ-офицеру и говоритъ, указывая на меня: «Онъ еще разсуждаетъ... Оставьте его безъ пирога!» Въ другой разъ приказано строиться по кроватямъ, для встрѣчи баталіоннаго командира. Записанные на красную доску кадеты при этомъ уходятъ, по заведенному порядку, въ пріемную комнату, подъ эту доску. Котъ-Пыжковскій знаетъ это; но, видя, что меня нѣтъ у кровати, говоритъ: «Востокова нѣтъ здѣсь,—нарядите его на дежурство». Отдѣленный унтеръ-офицеръ, зная, что отвѣтить оправданіемъ меня значило бы съ одной стороны «оказать поблажку подчиненному», а съ другой—«позволить себѣ разсуждать въ отвѣтъ на приказаніе начальника», молча исполняетъ приказаніе, и я дежурю, неизвѣстно за что. Во время этого дежурства одинъ изъ товарищей заболѣваетъ и уходитъ изъ классовъ въ лазаретъ; я объ этомъ ничего не знаю и потому не снимаю, въ 11 часовъ утра, чехла съ кровати заболѣвшаго, въ ожиданіи, что онъ самъ придетъ. Пробѣгаетъ по спальнѣ Пыжковскій, спрашиваетъ, кто дежурный, и, узнавъ, что я, приказываетъ оставить меня безъ двухъ блюдъ, т. е. на одномъ супѣ. Мало того, встрѣтивъ меня черезъ минуту, ругаетъ за небрежность, за лѣнь. «Службы не знаешь и не хочешь знать... Я этого не потерплю и сломаю тебѣ рога гордыни». Я пробую объяснить, что болѣзнь товарища, не убравшаго кровать, была мнѣ неизвѣстна. «Молчать!... Онъ еще разсуждаетъ. Оставьте его совсѣмъ безъ обѣда!» Черезъ недѣлю новый случай придраться и наказать меня, все съ цѣлью добиться, чтобъ я даже явныя несправедливости «переносилъ съ покорностью, молча», чтобы вбить мнѣ въ голову, что «всякая власть, а тѣмъ болѣе власть его, Кота-Пыжковскаго, непогрѣшима», и что раскрывать ей истину или возражать, оправдывать себя—значитъ «дѣлать дерзость». Въ пустые часы, т. е. когда нѣтъ учителя *), стою я въ классѣ у доски и продѣлываю одну теорему, причемъ два или три товарища слушаютъ меня. Пыжковскій, дежурный по корпусу, обѣгаетъ, неизвѣстно зачѣмъ, классные корридоры и, видя меня не на мѣстѣ, т. е. не за класснымъ столомъ, приказываетъ мнѣ сѣсть. Я отвѣчаю, что сяду, какъ только кончу выкладку. «Онъ опять разсуждаетъ! — вскрикиваетъ, какъ ужаленный, благородный воспитатель. — На мѣсто, маршъ!» Переглянувшись удивленнымъ взо-

*) Такихъ часовъ было всегда 3—4 въ недѣлю, отъ исключенія изъ дѣйствительнаго преподаванія естественныхъ наукъ—зоологіи и ботаники, стоявшихъ поръ граммѣ (для публики), но считавшихся безполезными.

ромъ съ товарищами, которымъ объяснялъ теорему и которыхъ Котъ-Пыжковскій на мѣста не прогонялъ, я иду сдержаннымъ отъ негодованія шагомъ на мѣсто. «О, да ты еще упрямишься!... Погоди, придешь въ роту, я тебя выучу». И, придя въ роту, я застаю приказаніе—стать къ доскѣ и молча простоять такъ весь вечеръ (2½ часа), причемъ мнѣ для развлеченія велятъ взять книгу, разумѣется, при такихъ условіяхъ нечитаемую. Передъ ужиномъ Пыжковскій приходитъ въ роту, видитъ меня съ опущенною книгой и спрашиваетъ: «Отчего я не учусь?»— Я отвѣчаю, что выучилъ уже то, что нужно.—«Такъ помогалъ бы другимъ».—«Я наказанный, и ко мнѣ никто не смѣетъ приближаться, изъ опасенія, что сочтутъ сочувствующимъ мнѣ. Да еслибы кто и приблизился, то я попросилъ бы отойти, помня, какъ давича вы запретили мнѣ показывать другимъ даже въ классѣ».—«Врешь! Я тебѣ приказалъ лишь сѣсть на мѣсто, а помогать другимъ не запрещалъ...» (Какъ будто можно вполголоса, безъ шума, объяснять математическую теорему не у доски, собравшись вмѣстѣ, а одновременно на трехъ-четырехъ разныхъ столахъ и сидя на пятомъ). «Экая вѣдь сварливая дрянь! Завтра останешься безъ обѣда».

И такъ въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ. Къ концу второго года моя энергія начала истощаться, организмъ былъ надломленъ и неизвѣстное мнѣ прежде чувство затаенной злобы все чаще и чаще стало разъѣдать мнѣ душу. Я сталъ молчаливымъ, задумчивымъ и мало общительнымъ. Многихъ товарищей я сталъ чуждаться, тѣмъ болѣе, что Пыжковскій держалъ среди ихъ шпіоновъ или, какъ у насъ говорилось, фискаловъ, наушниковъ. Отъ ротнаго начальства, за исключеніемъ одного почтеннаго поручика, я прятался какъ отъ чумы, гдѣ только было можно. Положеніе моего столика-комода, внѣ общей залы для учебныхъ занятій въ ротѣ, благопріятствовало этому отдаленію отъ массы. Сижу я, бывало, около этого столика; передо мной раскрыта тетрадь, но я въ нее не гляжу, а уставлю глаза на виднѣющуюся сквозь сосѣднее окно яркую звѣзду, которая постепенно склоняется къ западу и къ низу, что я замѣчаю по ея отношенію къ переплетамъ оконной рамы. Это планета Венера. Ея чистый, ровный блескъ мало-по-малу приводитъ меня въ магнетическое усыпленіе, которое теперь «объясняетъ» публикѣ— неизвѣстными, впрочемъ, ему самому, физіологическими законами— забракованный парижскою академіей наукъ, но пользующійся не

малою извѣстностью, психіатръ Шаркò. Я не замѣчаю ничего, что дѣлается вокругъ, не слышу сдержаннаго гула товарищеской толпы, которая въ сосѣдней залѣ зубритъ уроки; не вижу лампъ, висящихъ надъ столами въ этой залѣ, а только чувствую, что тамъ свѣтлѣе, чѣмъ около меня. Понемногу распространяется по всему организму какое-то сладкое забвеніе,—не сонъ, а нѣга, вродѣ той, которую ощущаешь, когда искусный и вѣжливый парикмахеръ слегка подстригаетъ и причесываетъ волосы. Мнѣ начинаютъ припоминаться годы свободной жизни, первая, чистая, чуть брезжившая любовь къ одной милой сверстницѣ, наши сдержанные намеки на взаимное сочувствіе, по временамъ чтеніе мною вслухъ передъ ней стиховъ Лермонтова и Пушкина и ея внимательный, слегка смущенный, но симпатическій взглядъ, при этомъ направленный на меня. Далѣе мнѣ представляется, какъ мы разъ ѣхали вмѣстѣ зимой по лѣсистому, глухому проселку. Лошади остановились; кучеръ слѣзъ, чтобы поправить что-то въ упряжи, и мы въ полумракѣ чутко прислушивались къ однообразному и торжественному шуму деревьевъ, слегка колеблемыхъ вѣтромъ. Вдругъ вблизи послышались чьи-то голоса, и вслѣдъ затѣмъ наша коренная лошадь сильно потрясла дугой, такъ что раздался рѣзкій звонъ колокольчика. Ужь не разбойники ли нападаютъ на насъ? Она инстинктивно прижалась ко мнѣ, и я украдкой слегка поцѣловалъ ея холодную щечку, не встрѣтивъ съ ея стороны никакого препятствія, хотя это легко могло быть замѣчено нашими старшими спутниками... Черезъ минуту, когда лошади снова тронулись, она тихо пожала мнѣ руку, хотя вмѣстѣ и отодвинулась отъ меня. Гдѣ-то она теперь? Она, какъ дѣвочка, теперь ужь большая... Вдругъ, среди этихъ сладкихъ воспоминаній, я слышу громкій голосъ фельдфебеля: «встать!»—и, очнувшись, замѣчаю издали баталіоннаго командира, пожелавшаго пройтись по ротамъ во время занятій. Онъ идетъ важно, позванивая шпорами и посматривая... на полъ, чтобы видѣть, не наплевано ли гдѣ. Но у Кота-Пыжковскаго въ ротѣ не можетъ быть наплевано; тамъ много грязи нравственной, а физическая опрятность соблюдается въ совершенствѣ,—и грозный полковникъ слѣдуетъ далѣе. Увидя меня въ слѣдующей залѣ почти одного, онъ подходитъ и спрашиваетъ, отчего я не занимаюсь вмѣстѣ со всѣми. Я отвѣчаю, что въ общей залѣ шумно, а я пишу сочиненіе къ завтрашнему уроку изъ русской словесности. Начальство уходитъ, не сказавъ ни слова, даже, повидимому, въ благосклонномъ рас-

положеніи; и ни дежурный офицеръ, ни фельдфебель не прогоняютъ меня въ общую залу, что непремѣнно было бы, еслибы въ ротѣ находился Пыжковскій, для котораго «порядокъ», симметрія—выше всего. Съ уходомъ начальства нить сладкихъ мечтаній уже не возстановляется; я вижу, что звѣзда моя стала блѣднѣть въ морозномъ туманѣ, наполняющемъ нижніе слои воздуха, и вотъ на меня нападаетъ тоска. Такъ будетъ и въ жизни,—думаю я:—нѣсколько сладкихъ мечтаній и—пошлая, подлая дѣйствительность! Мнѣ припоминаются безчисленныя обиды и оскорбленія, сдѣланныя мнѣ Котомъ-Пыжковскимъ: сознаніе, что я не въ силахъ воздать ему теперь же по дѣламъ его, приводитъ меня въ молчаливое бѣшенство—самое разрушительное для организма чувство. Потомъ настаетъ утомленіе, упадокъ энергіи, и вотъ я начинаю молиться, чтобы Богъ далъ мнѣ силы дотерпѣть до конца и потомъ уѣхать куда-нибудь далеко, далеко изъ средоточія солдатчины, которая, пожалуй, способна обманывать зрителей смотровъ и парадовъ, но которая такъ ненавистна всѣмъ подневольнымъ участникамъ ихъ. Молюсь я и о врагахъ, чтобы Господь просвѣтилъ ихъ разумъ и сердце; но это уже не совсѣмъ искреннія, теоретическая натяжка. Я не вѣрю, въ глубинѣ души, въ возможность такого перерожденія и кончаю мою молитву гордыми словами: «отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ!...»

Печальный мистицизмъ и мрачная мизантропія мало-по-малу усилились во мнѣ, хотя мнѣ было лишь съ небольшимъ пятнадцать лѣтъ. Вѣроятно, они и заѣли бы меня, какъ заѣли товарища по ротѣ, Бѣляева, котораго всѣ кадеты считали уже за сумасшедшаго, потому что онъ на всѣ ихъ приставанья и на придирки начальства отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ, а потомъ усердными земными поклонами передъ образомъ, который доставалъ изъ столика и ставилъ надъ постелью. Нѣсколько отвлекавшимъ отъ задумчивости средствомъ явились три новыя, дотолѣ мнѣ неизвѣстныя, науки: физика, тригонометрія и топографія. Ими я и занимался съ особою любовью; а какъ содержаніе ихъ вполнѣ реально и изученіе требуетъ не одной механической долбни (какъ латинскихъ глаголовъ), но и внимательнаго разсужденія, то, приготовляя уроки по нимъ и слушая лекціи, я еще жилъ довольно полною жизнью. Въ другое время скука одолѣвала меня, и даже не скука, а именно тоска. Тогда-то я началъ постепенно забывать обычаи, преданія и пѣсни народа, которыя прежде зналъ едва ли не лучше, чѣмъ иные преподаватели россійской сло-

весности, цѣлый вѣкъ не выѣзжавшіе изъ Петербурга. Даже многія превосходныя стихотворенія Пушкина и Лермонтова, которыхъ заучиванье нѣкогда доставляло мнѣ наслажденіе, стали исчезать изъ памяти. Я еще не упалъ настолько, чтобы не восхищаться ими, когда они мнѣ приходили на умъ; но въ томъ-то и дѣло, что воспоминанія о нихъ становились все рѣже и рѣже. Въ замѣнъ того я узналъ отъ «благовоспитанныхъ» уже товарищей, руководимыхъ Пыжковскимъ, много произведеній кадетской поэзіи, образцовыхъ по остроумію, какъ, напримѣръ:

У Адама на ребрѣ
Сельди пили кофе
И качались на ведрѣ
Въ Старомъ Петергофѣ.
У дьячка за обшлагомъ
Жолуди говѣли;
Выдра-жь пляшетъ съ тесакомъ
Въ нанковой шинели.

И такъ далѣе: цѣлая поэма безъ содержанія и смысла. Или вотъ такое стихотвореніе, положенное на музыку тихаго марша:

Ѣхалъ принцъ Оранской
Черезъ рѣку По;
Бабѣ астраханской
Отпустилъ bon mot.
«Въ бога ты не вѣришь,—
Такъ онъ ей сказалъ,—
Черезъ ....»
Сѣлъ и ускалъ.

Не обошлось и безъ знакомства въ барковщиной.

Не знаю, радовался ли происходившей во мнѣ перемѣнѣ мой «геній тьмы», Котъ-Пыжковскій; но, повидимому, онъ былъ доволенъ, потому что мнѣ былъ прибавленъ баллъ за поведеніе, девятый; и такъ какъ ефрейторомъ я былъ давно, то вѣроятно мнѣ предстояло стать унтеръ-офицеромъ, т.-е. прямымъ помощникомъ изверга по дѣлу приведенія другихъ воспитанниковъ «къ одному знаменателю» или «въ христіанскую вѣру», какъ говаривалъ самъ же Котъ. Тогда, конечно, нравственное мое паденіе было бы полнымъ. По счастію, этого не случилось.

Въ началѣ третьяго года моего пребыванія въ корпусѣ поступилъ прямо въ четвертый классъ, т.-е. не болѣе какъ на три

послѣдніе курса *), молодой варшавянинъ, Островскій. Милый, симпатичный юноша, съ рыцарскими чувствами, съ живымъ, общительнымъ нравомъ и съ большою любовью къ знанію, понравился мнѣ съ самаго начала уже потому, что онъ былъ человѣкъ свѣжій, съ вольнаго воздуха, а не питомецъ затхлой казармы. Скоро мы стали пріятелями. Онъ, какъ бывшій гимназистъ, зналъ больше каждаго изъ насъ, однолѣтковъ, потому что, наприм., въ математикѣ умѣлъ употреблять логариѳмы, изъ физики имѣлъ понятіе объ электричествѣ, и т. п. Но какъ онъ плохо выражался по-русски, напримѣръ, говорилъ: ка́кія мѣ́ста—вм. какія мѣста, то мы сблизились на взаимныхъ услугахъ по изученію предметовъ, обоихъ интересовавшихъ, но въ разной степени знакомыхъ. Математика же была для насъ полемъ общимъ и на ней мы сошлись быстро, рѣшая разныя замысловатыя задачи. Островскій снова втянулъ меня въ жизнь; и какъ онъ былъ скептикъ, то мало-по-малу его направленіе отразилось и на мнѣ. Физика помогла ему, и вотъ съ переходомъ въ I-й спеціальный классъ во мнѣ опять заговорили живыя силы и, какъ оно естественно въ шестнадцатилѣтнемъ юношѣ, скоро забили такимъ ключомъ, что отъ той нравственной тины, въ которую я было погрязъ, скоро не осталось и слѣда. Лекціи химіи, начавшіяся съ I-го спеціальнаго класса, довершили дѣло. Черезъ три мѣсяца послѣ начала ихъ я попросилъ Кота-Пыжковскаго—на послѣднія оставшіяся у него мои деньги купить одно знаменитое сочиненіе по естествознанію, дѣлавшее тогда шумъ въ цѣлой Европѣ. Старый Котъ, узнавъ, что это сочиненіе ученое, а не поэтическое, не могъ мнѣ отказать, но скорчилъ гримасу и сказалъ: «а что́, и вы хотите зачислиться въ шимисты, которые по формуламъ доходятъ до сотворенія міра и не вѣрятъ ни въ небесныя, ни въ земныя власти?» Я отвѣчалъ замѣчаніемъ, что книга мнѣ рекомендована нѣсколькими учителями и одобрена инспекторомъ, а какого она направленія, я еще не знаю, не имѣвъ случая ее читать. Покупка была сдѣлана; но черезъ три недѣли мнѣ, по совершенно пустому поводу, былъ сбавленъ баллъ за поведеніе, съ поясненіемъ, что другому бы можно было назначить болѣе легкое взысканіе, но мнѣ, какъ философу шимисту, нельзя. Тогда старое мое отвращеніе къ Коту-Пыжковскому просну-

*) На меньшее время поступать въ корпусъ было нельзя, хотя собственно военныя науки преподавались лишь въ двухъ высшихъ классахъ. Годъ накидывался для „приведенія къ одному знаменателю“.

лось съ новою силой, чтобъ уже не угасать никогда. Не имѣя возможности поймать меня въ чемъ-нибудь, ибо я сталъ съ нимъ дипломатически остороженъ, Котъ ограничился тѣмъ, что, при совершившейся около этого времени замѣнѣ его самого ротнымъ командиромъ Стишевскимъ, далъ послѣднему самый дурной отзывъ о моихъ нравственныхъ свойствахъ... Но что мнѣ было за дѣло до этихъ внѣшнихъ условій моей жизни, когда внутри меня пылалъ всеобъемлющимъ пожаромъ святой огонь знанія? Истина, одна истина и непреклонное служеніе ей—вотъ что составило отнынѣ мою завѣтную мечту, мой идеалъ, который я, въ юношеской неопытности, считалъ достижимымъ, забывъ даже скорбный вопросъ Іисуса Пилату: «что есть истина?...» Разумѣется, отъ такого теоретическаго увлеченія недалеко было и до практическихъ его послѣдствій. И они пришли и обновили меня. Прочь все мистическое, не основанное на законахъ естествознанія и математики! Свобода ума отъ положеній, навязанныхъ авторитетами, свобода человѣческихъ личностей и союзовъ, по возможности братство людей, борьба со всѣмъ, что стоитъ на дорогѣ къ этимъ цѣлямъ — вотъ первыя убѣжденія, которыя сложились во мнѣ и моихъ друзьяхъ подъ вліяніемъ благороднаго юношескаго порыва. Энтузіазмъ нашъ, т.-е. мой и Островскаго, скоро притянулъ къ намъ цѣлую кучку товарищей, которые дѣйствительно мечтали, что наука всемогуща и, какъ выразился Котъ-Пыжковскій, можетъ по формуламъ довести до сотворенія міра или, по крайней мѣрѣ, до пониманія всѣхъ его фазисовъ и дѣйствовавшихъ при этомъ силъ. Наше стремленіе быть всегда научно-точными порождало иногда рѣшенія крайне наивныя: напримѣръ, мы стали просить за обѣдомъ другъ друга о передачѣ не просто соли, а хлористаго натрія; толкуя съ красильщиками, объясняли имъ, что мѣлъ и мраморъ по химическому составу—одна и та же углекислая известь, и т. п. Вслѣдствіе этого титулъ «шимистовъ» былъ присвоенъ намъ не однимъ Котомъ-Пыжковскимъ, а его, съ добродушною насмѣшкой, прилагали къ намъ многіе товарищи, частію даже друзья, въ которыхъ склонность къ анализу еще не пробуждалась и которые шли себѣ по торной дорожкѣ заучиванья преподаваемаго... Счастливое время, золотой вѣкъ пробужденія мысли и возникновенія симпатій, которыхъ никакое время не успѣло сломить! Вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ прошло съ той поры, а сердце живо бьется при одномъ воспоминаніи о ней. И какъ же ему не

биться? Вѣдь тогда впервые очаровывали меня монологи Фауста, великія энциклопедическія творенія Гумбольдта, острый скептицизмъ Вольтера и гуманистическіе идеалы Руссо... Какъ могу не оживиться я при воспоминаніи, что весь мой юношескій организмъ трепеталъ, когда я, ходя по корридору, въ полголоса, но съ искреннимъ одушевленіемъ, повторялъ слова Баратынскаго о Гёте:

Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ—наслѣдье червей!
Погибъ; но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что̀ проситъ у сердца отвѣта.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.
Испытанъ, извѣданъ имъ весь человѣкъ...

И такъ далѣе. Я могъ бы смѣло привести здѣсь сполна эту безсмертную оду какъ *личное* воспоминаніе,—до такой степени духъ мой сроднился тогда съ ея содержаніемъ... И другое болѣе короткое, но не менѣе сильное напоминаніе о томъ же Гёте, именно—четверостишіе Жуковскаго, было часто повторяемо мною, когда мнѣ шелъ шестнадцатый годъ; и его я занесу сюда:

Свободу смѣшную избравъ себѣ въ законъ,
Всезрящей мыслію надъ міромъ онъ носился,
И въ мірѣ все постигнулъ онъ,
И ничему не покорился!

Эта «непокорность» особенно плѣняла меня. Возвыситься до нея, т.-е. до полной независимости отъ внѣшней среды, стало для меня цѣлью, какъ для Сократа, римскихъ стоиковъ и Василія Великаго, когда онъ жилъ въ горныхъ пустыняхъ Арменіи. Я забывалъ, что сижу въ тюрьмѣ, изъ которой вырваться могъ не ранѣе, какъ черезъ полтора года. Судьба поспѣшила напомнить.

На шестой недѣлѣ великаго поста въ спеціальныхъ классахъ шли уже повторительные экзамены изъ математики, которые бы-

ли заведены по настояніямъ знаменитаго Остроградскаго, тогдашняго наставника-наблюдателя по математическимъ наукамъ въ кадетскихъ корпусахъ. Нужно было дорожить каждою минутой времени для приготовленія тригонометріи, алгебры и проч., такъ какъ текущіе классные уроки по другимъ предметамъ еще не прекращались и тоже требовали не одного часа въ день. Вслѣдствіе этого я и товарищъ мой, Колосовъ, ушли въ камеры для занятій въ то время, когда роту «погнали» на послѣобѣденную прогулку. Подобныя самовольныя отлучки, хотя бы для самыхъ чистыхъ цѣлей, считались у начальства преступленіемъ, во-первыхъ, потому, что были самовольны, а начальство держалось теоріи, что «все, что имъ не позволено прямо,—запрещено»; во-вторыхъ, потому, что отдѣленіе кадета отъ массы товарищей нарушало принципъ симметріи, стадообразности кадетскаго общества, крайне дорогой для казарменныхъ педагоговъ; и въ-третьихъ, потому, что эти педагоги, мѣряя всѣхъ на свой аршинъ, всегда готовы были думать, что если воспитанникъ уходитъ изъ-подъ ихъ глазъ, то навѣрное для того, чтобы совершить какую-нибудь гадость, наприм. накуриться табаку. Насъ съ Колосовымъ, впрочемъ, и въ этомъ нельзя было подозрѣвать, ибо начальство по многолѣтнему наблюденію знало, что мы не курили даже въ лагеряхъ, гдѣ это дѣлалось многими изъ-шика и пропускалось властями почти безъ вниманія. Итакъ, вопросъ о нашей отлучкѣ сводился исключительно на почву самовольства. За него, по обыкновеннымъ нормамъ, можно было поплатиться дежурствомъ, воскресеньемъ безъ отпуска или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Но дежурный офицеръ, бурбонъ Приливкинъ, взглянулъ на это иначе и подалъ ротному командиру, Стишевскому, докладную записку съ жалобою, что мы ушли въ камеры «вопреки формальнаго его запрещенія». Это была клевета, для усугубленія нашей вины; но оспаривать ее мы не могли, ибо свидѣтельство единственныхъ «постороннихъ лицъ», то есть 120-ти кадетъ, противъ одного офицера, по законамъ корпусной юстиціи, не допускалось, и мы на него разсчитывать не могли, а самъ Приливкинъ, разъ подписавъ ложь на бумагѣ, ужь конечно не согласился бы признаться въ ябедѣ. Тѣмъ не менѣе Стишевскій принялъ его извѣтъ довольно холодно и, призвавъ насъ, сталъ спокойно выговаривать, что мы сдѣлали дурно, что намъ обоимъ—ефрейторамъ, да еще записаннымъ на красную доску—слѣдуетъ подавать примѣръ добраго поведенія, а мы вотъ проштрафляемся. Колосовъ, видя

спокойный тонъ командира, замѣтилъ, что вѣдь не курить же мы убѣгали, а учиться, такъ что вины тутъ съ нашей стороны нѣтъ. На это Стишевскій, опять спокойно, замѣтилъ: «Вотъ вы все любите разсуждать,—философы!... Отправляйтесь-ка оба подъ арестъ на сутки». Тогда я, въ свою очередь, сказалъ: «вѣдь вотъ, Иванъ Ивановичъ, вы сами чувствуете, что мы не сдѣлали ничего дурного, и что даже намѣренія наши были хорошія, а между тѣмъ наказываете насъ собственно потому, что не хотите оставить неудовлетворенною жалобу офицера».—«Толкуй съ ними!—отвѣчалъ онъ, обращаясь какъ бы ко всѣмъ присутствовавшимъ.—Маршъ, подъ арестъ!»—«Ну, пойдемъ, Колосовъ,—сказалъ я опять-таки спокойнымъ тономъ, въ которомъ не было ни малѣйшаго раздраженія, непріятнаго начальству, которое и сказало намъ вслѣдъ: «Такъ-то лучше, чѣмъ разсуждать». Но вслѣдъ за тѣмъ, сдѣлавъ шаговъ десять назадъ, чтобы передать Островскому бывшую у меня въ рукахъ химію Гесса, я дружески улыбнулся ему, въ смыслѣ: «Прощай, до свиданья. Дѣлать нечего, нужно идти». Эту улыбку подмѣтилъ Стишевскій, принялъ ее за насмѣшку надъ собой и затрясся отъ злобы. «Какъ?!—закричалъ онъ изо всей силы,—я тебя, мальчишку, наказываю, а ты надъ этимъ смѣешься? Да я тебя за это сотру съ лица земли, философъ паршивый! Не даромъ Матвѣй Иванычъ (Котъ Пыжковскій) говорилъ, что въ тебѣ, какъ въ тихомъ омутѣ, черти водятся. Нѣтъ, я тебѣ рога-то сломаю!... Отвести его подъ арестъ въ нижній лазаретъ, впредь до приказанія!»

Нижній или запасный лазаретъ, обыкновенно пустой, былъ чѣмъ-то въ родѣ Бастиліи, государственной тюрьмы корпуса, изъ которой дорога не рѣдко вела вонъ изъ заведенія раньше окончанія курса—то къ родителямъ, то въ юнкера, а иногда и въ солдаты. (Впрочемъ, послѣдняго при мнѣ уже не было.) Во всякомъ случаѣ, еслибы даже она возвращала арестованнаго въ роту, то не иначе, какъ послѣ жестокой порки. Стишевскій и предположилъ мнѣ «задать» послѣднюю; но, къ счастію моему, желая не ограничиваться одною ею, а «ошельмовать» меня совершенно, то-есть добиться моего разжалованья,—чего собственною властью сдѣлать не могъ,—онъ подалъ обо мнѣ докладную записку баталіонному командиру, Барклаю, а тотъ доложилъ генералу, т.-е. Воронину. Послѣдній, человѣкъ благородной души, не аракчеевецъ, задумался. Разбить въ прахъ карьеру одного изъ лучшихъ учениковъ заведенія,—мальчика, который три съ по-

ловиной года не сходилъ съ красной доски, въ пассивѣ котораго не было ни одного крупнаго промаха и которому оставалось всего 16 мѣсяцевъ до выпуска, ему показалось жестоко. Онъ понялъ несоразмѣрность съ моею виной наказаній, о которыхъ «почтительнѣйше ходатайствовалъ» Стишевскій, очевидно изъ личной злобы, и которыя состояли въ томъ, чтобы меня: 1) стереть съ красной доски, 2) разжаловать изъ ефрейторовъ, 3) лишить двухъ балловъ за поведеніе и 4) высѣчь передъ ротою. Чтобы точнѣе соразмѣрить съ виною взысканіе, Воронинъ поручилъ баталіонному командиру Барклаю выслушать мои объясненія: это было что-то неслыханное и совершенно мною неожиданное. Когда меня позвали къ Барклаю, я уже думалъ, что вотъ минута расправы (какой—товарищи меня извѣстили) настаетъ, и приготовился терпѣть. Но въ замѣнъ того услышалъ спокойный голосъ человѣка упрекающаго, но не оскорбляющаго. Я немедленно призналъ себя виновнымъ въ легкомыслiи, съ которымъ позволилъ себѣ улыбнуться въ присутствiи наказывавшаго меня ротнаго командира, сказалъ, что, по собственному моему мнѣнію, съ точки зрѣнія дисциплины, еще большею виной мнѣ кажутся мои слова о томъ, что ротный командиръ наказывалъ насъ двоихъ арестомъ «исключительно по уваженію офицерской жалобы, а безъ убѣжденія въ нашей винѣ»; но я отрицалъ намѣреніе оскорбить Стишевскаго и формальное запрещеніе, будто бы данное Приливкинымъ, не уходить съ гулянья въ камеры. Я просилъ также принять во вниманіе, что уже былъ обругань публично «паршивымъ философомъ», что мнѣ обѣщано «стереть меня съ лица земли», и проч. Наконецъ, я прибавилъ, что позволяю себѣ говорить ему это не только какъ своему начальнику, но какъ человѣку, который, вѣроятно, не пожелаетъ, чтобы въ дворянинѣ, готовящемся въ офицеры и въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, кажется, не безчестившимъ корпуса, унижалось чувство человѣческаго достоинства, хотя бы вина моя была найдена большею, чѣмъ считаю ее я самъ. Все это мнѣ удалось высказать довольно спокойно, тономъ довольно вѣжливымъ, но нисколько не заискивающимъ и не умоляющимъ, хотя внутренняго моего волненія Барклай не могъ не замѣтить. «Вотъ видите, — сказалъ онъ, подумавъ,—какой вы разсудительный и гоноровый *молодой человѣкъ*, а между тѣмъ не умѣете владѣть собой, *не уважаете самолюбія другихъ* и не исполняете перваго, священнѣйшаго долга передъ начальствомъ—*почтительности*

и *безпрекословнаго* повиновенія. (Онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ безпрекословнаго.) Генералъ не хочетъ дѣлать васъ несчастнымъ, памятуя ваши прежніе успѣхи и поведеніе; но во всякомъ случаѣ наказаніе вамъ будетъ примѣрное. Къ этому вы приготовьтесь и перенесите его съ мужествомъ...» Въ переводѣ на обыкновенный дотолѣ языкъ это значило, что меня выдерутъ по усиленному окладу. Однако въ великій четвергъ одинъ товарищъ нашелъ возможнымъ проникнуть въ мою тюрьму и сообщить мнѣ по секрету, что завтра будетъ обо мнѣ сентенція въ приказѣ по корпусу, но что розги отмѣнены. Рѣшеніе обо мнѣ состоялось еще во вторникъ (т.-е. на другой день послѣ моего свиданія съ Барклаемъ), но генералъ приказалъ, взамѣнъ розогъ, продержать меня подъ арестомъ до пятницы, т.-е. полную недѣлю. На бывшихъ относительно меня совѣщаніяхъ за сохраненіе моей тѣлесной неприкосновенности будто бы подали голоса: инспекторъ классовъ, законоучитель, баталіонный командиръ и самъ генералъ; Стишевскій же остался въ страшномъ меньшинствѣ и даже будто бы получилъ замѣчаніе, что онъ напрасно сажалъ меня подъ арестъ, не разобравъ дѣла по жалобѣ Приливкина, и что его собственное обвиненіе меня въ прямой насмѣшкѣ надъ властью представляется неубѣдительнымъ. Словомъ, нравственная побѣда осталась за мной. Зная это, я спокойно ожидалъ пятницы, гордо, не моргнувъ глазомъ, выслушалъ чтеніе приказа фельдфебелемъ, самъ помогъ каптенармусу срѣзать съ погоновъ галуны и, не поклонившись Приливкину, который въ этотъ день опять былъ дежурнымъ, скрылся въ толпѣ, когда ротѣ было сказано «разойтись».

О недѣлѣ ареста, проведенной мною въ совершенномъ уединеніи, если не считать посѣщеній солдата, приносившаго мнѣ ѣсть, и двухъ товарищей, украдкою побывавшихъ на нѣсколько минутъ, — я могъ бы написать психологическій этюдъ вродѣ тѣхъ, которые написаны Диккенсомъ и Гюго о послѣднемъ днѣ осужденнаго на казнь. Разница была бы только та, что я писалъ бы дѣйствительно перечувствованное мною самимъ, а два великіе романиста—нѣчто вымышленное, хотя и весьма вѣроятное. Конечно, талантъ остался бы на ихъ сторонѣ; но за то на моей былъ бы простой реализмъ. Но... въ сторону психологію! Довольно сказать, что съ этой памятной мнѣ недѣли я въ правѣ считать начало своей зрѣлости, какъ теперешніе гимназисты обязаны считать его съ полученія извѣстнаго аттестата. Теоретически я выросъ за эти восемь дней больше, чѣмъ прежде вы-

росталъ въ восемь мѣсяцевъ, въ цѣлые годы, и началъ ясно понимать затаённые мотивы дѣйствій людей, большею частію самые мелкіе, личные, хотя и прикрывающіеся нерѣдко пышными фразами объ общемъ благѣ, о высшей правдѣ и пр. На 17-мъ году жизни это было открытіе неутѣшительное, но не безполезное, тѣмъ болѣе, что ни Гоббеза, ни Гельвеція я въ то время читать не могъ и, слѣдовательно, *извнѣ* узнать «секретъ всѣхъ», выданный послѣднимъ, не имѣлъ возможности. Практическая жизнь немедленно подтвердила мою новую теорію. Въ самомъ дѣлѣ, прежде для меня толпа товарищей распадалась только на два слоя: *друзей,* сомкнутою массой стоявшихъ за общіе у меня съ ними интересы противу общаго же врага — ротнаго начальства, и *людей* просто *постороннихъ*, которымъ до меня нѣтъ никакого дѣла и которые, слѣдовательно, всегда если не доброжелательны, то хоть вѣжливы, любезны и, во всякомъ случаѣ, ни съ того, ни съ сего не станутъ вредить мнѣ, унижать меня и т. п. Теперь же я узналъ, что на свѣтѣ есть подлецы даже въ семнадцать лѣтъ отъ роду, когда обыкновенно юноши бываютъ преисполнены самыхъ возвышенныхъ чувствъ. Одинъ изъ случаевъ, давшихъ мнѣ поводъ думать такъ, особенно хорошо сохранился у меня въ памяти, и я запишу его здѣсь.

— Ну, Востоковъ, — сказалъ мнѣ въ самый день выпуска меня изъ карцера одноклассникъ-ефрейторъ, Орестовъ, сосѣдъ по столику въ ротѣ, — видишь, какъ дурно смотритъ на тебя начальство; такъ не удивляйся, что я, въ ожиданіи унтеръ-офицерскихъ галуновъ, буду временно держаться отъ тебя далекò: нельзя же, чтобъ и меня сочли за шимиста.

— Успокойся,—отвѣтилъ я этой презрѣнной твари,—я даже въ классахъ перестану тебѣ показывать, а въ ротѣ и не подойду къ тебѣ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же въ классѣ? Тамъ мы можемъ быть попрежнему,—замѣтилъ, покраснѣвъ, негодяй, сознавшій, что мои «показыванья» очень полезны ему.

Но я уже повернулъ къ нему спину и сдѣлалъ два шага въ сторону...

Откровенная подлость Орестова была, впрочемъ, обильно вознаграждена для меня привѣтомъ истинныхъ друзей, почти сплошь корпусныхъ «чиновниковъ», имена которыхъ притомъ стояли на красной доскѣ. У нихъ ничего не было для меня ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ, кромѣ искренняго сочувствія; у шими-

стовъ, не признававшихъ авторитетовъ и потому оффиціально считавшихся людьми безъ нравственности и сердца,—встрѣченный мною привѣтъ былъ особенно тёпелъ. Мы продолжали наши приготовленія къ экзамену какъ ни въ чемъ ни бывало, и я только замѣтилъ, что мой относительный вѣсъ, мой авторитетъ между друзьями стали больше, безспорнѣе прежняго. Такова юность неиспорченная оффиціальною моралью, съ ея чистыми влеченіями, съ ея глубокимъ сердечнымъ тактомъ...

Само строевое начальство, повидимому, уразумѣло довольно скоро, что, содравъ съ меня за одну вину три шкуры и сохранивъ одну, четвертую (правда, настоящую), оно поступило круто. По крайней мѣрѣ Барклай, черезъ нѣсколько дней послѣ Святой, присутствуя въ ротѣ *) на обученіи застрѣльщичьихъ сигналовъ и видя, что я ихъ знаю лучше другихъ, не упустилъ случая сказать: «вотъ кто могъ бы быть хорошимъ застрѣльщичьимъ унтеръ-офицеромъ, да жаль, что разжалованъ». Сколько мнѣ кажется, это было прямымъ намёкомъ Стишевскому, чтобъ онъ ходатайствовалъ о возвращеніи мнѣ утраченнаго, по бывшимъ не разъ примѣрамъ; но мстительный шляхтичъ, досадуя, что ему не удалось высѣчь меня передъ ротою, притворился глухимъ на это ухо. Притомъ онъ былъ вновь сильно оскорбленъ тѣмъ, что въ теченіе Святой недѣли я отобралъ у него деньги, подъ предлогомъ покупки книгъ черезъ одного товарища, ходившаго въ отпускъ. Кадетскія деньги Стишевскій всегда считалъ своими и, отправивъ за счетъ воспитанника два-три письма, стоившія по гривеннику, обыкновенно увѣрялъ, что всѣ пять или шесть рублей, принадлежавшіе деньговладѣльцу, уже вышли**). Жалобъ не могло быть, подъ опасеніемъ изобличенія во лжи на начальника и немедленнаго изгнанія изъ корпуса, съ предварительною поркой. Въ виду этого понятно, что онъ бѣсился на отобраніе мною шести рублей, только-что присланныхъ мнѣ род-

*) Въ прежней. Перевести меня въ другую, чтобъ избавить отъ мести Стишевскаго, не сочли нужнымъ; точнѣе, это было противно принципамъ корпусной педагогіи, отдававшей подчиненныхъ сполна на жертву начальнику, который всегда могъ сказать кадету: „захочу тебя съѣсть—съѣмъ, захочу—масла напахта́ю". Нѣкоторые, въ родѣ Кота-Пыжковскаго, и говорили это. Проситься о переводѣ въ другую роту запрещалось.

**) Письма къ роднымъ отправлялись на собственный счетъ кадетъ, но непремѣнно черезъ ротныхъ командировъ, которые, разумѣется, ихъ читали и непріятныя для себя рвали, а авторамъ ихъ мстили. Отсюда обычай кадетъ сдавать письма на почту по воскресеньямъ, черезъ отпускныхъ товарищей.

ными къ празднику; выдалъ онъ ихъ не безъ усиленныхъ настоящій съ моей стороны и приказалъ показать ему потомъ купленныя книги... Цѣлые пять мѣсяцевъ пробылъ я еще въ его ротѣ и, несмотря на безупречное поведеніе, несмотря на 11½ балловъ въ среднемъ на годовомъ экзаменѣ, онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы вернуть мнѣ хоть часть потерянnаго. Очевидно, что проглоченная пилюля воспитательнаго комитета не давала ему покою, и онъ рѣшился во что бы то ни стало устроить такъ, чтобы черезъ годъ я былъ выпущенъ не въ гвардію, а въ армію. Это ему отчасти и удалось, ибо новый ротный командиръ, подъ начальство котораго я поступилъ за десять мѣсяцевъ до выпуска, хотя и вытянулъ меня въ унтеръ-офицеры, съ 10-ю баллами за поведеніе, но больше сдѣлать ничего не могъ, по недостатку времени.

По поводу отобранныхъ у Стишевскаго шести рублей не могу еще не вспомнить общаго порядка, существовавшаго въ корпусѣ относительно кадетскихъ денегъ. Несмотря на общую недостаточность воспитанниковъ, происходившихъ изъ небогатаго дворянства, большая часть ихъ имѣла деньги отъ родныхъ. Только онѣ, какъ уже я сказалъ, хранились не у самихъ кадетъ, а у ротныхъ командировъ. Точно мы были арестанты, а они — тюремные смотрители. Никакихъ росписокъ съ ихъ стороны намъ не выдавалось, никакого учета мы вести не могли,—добросовѣстность начальниковъ должна была стоять внѣ сомнѣній,—поэтому лишь не многіе изъ этихъ оффиціальныхъ охранителей нашихъ душъ, тѣлесъ и добра не пользовались на нашъ счетъ. Къ числу рѣдкихъ исключеній принадлежалъ И. К. Гертовъ, командиръ самой старшей роты, изъ которой я уже былъ выпущенъ въ офицеры. Стишевскій же и Сурбатовъ распоряжались моими деньгами какъ собственною казной, и я не получилъ отъ нихъ ни малѣйшаго отчета. А что до Кота-Пыжковскаго, то это былъ, напротивъ, старательнѣйшій бухгалтеръ. Онъ неутомимо записывалъ каждый грошъ, израсходованный имъ за счетъ кадета, и потому слылъ за безусловно-честнаго командира. Но, присылая по воскресеньямъ лакомства, на которыя кадеты записывались въ особую книгу, онъ покупалъ ихъ, конечно, по небезвыгоднымъ для себя цѣнамъ, въ *собственной* мелочной лавочкѣ, расположенной шагахъ въ 200-хъ отъ корпуса и записанной на имя капитанши, родомъ купчихи или мѣщанки. Мы всѣ знали это послѣднее обстоятельство; казалось бы, не могло его не знать

и высшее корпусное начальство, но видно не знало. Между тѣмъ коммерческіе вкусы честнаго Кота были такъ постоянны, что онъ, переставъ быть ротнымъ командиромъ, сталъ скопидомничать уже не на кадетскій счетъ, а на казенный, и, какъ мнѣ говорили потомъ, лѣтъ черезъ пять, лица, служившія въ составѣ корпусной администраціи, кончилъ свою карьеру на какой-то бочкѣ ламповаго масла, которая куда-то исчезла въ то время, когда онъ былъ полицеймейстеромъ корпуса, а слѣдовательно и его освѣтителемъ...

Мнѣ не разъ, въ теченіе жизни, приходилъ въ голову вопросъ: какимъ образомъ недѣлимые въ родѣ Кота-Пыжковскаго и Стишевскаго, т. е. люди сомнительной честности и несомнѣнно безъ всякаго образованія, могли попадать въ воспитатели? Теперь, когда существуютъ въ теченіе многихъ лѣтъ педагогическіе курсы при военно-учебныхъ заведеніяхъ, а глазъ привыкъ видѣть даже въ простыхъ надзирателяхъ людей просвѣщенныхъ, трудно и представить, чтобы какихъ-нибудь сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ назадъ педагоги были невѣжды и нерѣдко даже негодяи. Однако же это было такъ, и вотъ тому одна изъ главныхъ причинъ. Педагогическій персоналъ кадетскихъ корпусовъ пополнялся преимущественно армейскими офицерами, да и изъ нихъ туда попадали худшіе *), потому что лучшимъ и въ полкахъ было недурно. Они могли тамъ рано быть ротными командирами, казначеями, квартермистрами, адъютантами, имѣть какія-нибудь видныя командировки и отличія и во всякомъ случаѣ скорѣе достигать штабъ-офицерскихъ чиновъ, чѣмъ въ корпусахъ, гдѣ производство было такъ плохо, что уже на 14-мъ году моей службы я обогналъ моего бывшаго ротнаго командира Гертова, хотя въ день моего производства въ прапорщики онъ былъ уже старый штабсъ-капитанъ, съ орденомъ. Занимательности однообразная служба въ корпусахъ не представляла ни малѣйшей, а трудностей и непріятностей — много. Одни дежурства по ротамъ, черезъ три дня въ четвертый, чего стóили, когда въ теченіе подобнаго дежурства можно было каждую минуту наткнуться на непріятность то снизу—отъ кадетъ, то сверху—отъ начальства, чаще же всего—съ обѣихъ сторонъ. Пристраиваться къ на-

*) Такъ, наприм., Гольденвюрстъ встрѣтилъ у насъ въ корпусѣ одного поручика, Морквина, котораго года за три передъ тѣмъ выгналъ изъ армейскаго полка, бывшаго подъ его командою,—встрѣтилъ, удивился, но не выгналъ вновь.

стоящему столичному обществу, т. е. къ высшему, образованному кругу, корпусные офицеры не могли и по бѣдности, и по необразованности (изъ нихъ развѣ одинъ-два читали по временамъ *Русскій Инвалидъ*), и даже просто по неблаговоспитанности. Послѣднее можетъ показаться страннымъ въ воспитателяхъ, и однако справедливость моихъ словъ доказывается множествомъ примѣровъ. Припомню лишь нѣкоторые. Вотъ штабсъ-капитанъ Козлищевъ, готовившійся въ ротные командиры и найденный пьянымъ въ канавѣ, во время лагерей, въ Петергофѣ. Вотъ поручикъ Каблукевичъ, который, забавы ради, приложилъ ко лбу кадета фонъ-Бризена раскаленную печать и такимъ образомъ сдѣлалъ его на цѣлую жизнь клейменымъ. Не довольствуясь такимъ скотскимъ обращеніемъ съ ввѣренными его заботамъ мальчиками, онъ позволялъ себѣ и другіе пріемы, еще болѣе скотскіе, въ потаенныхъ мѣстахъ, за что и былъ прогнанъ. А вотъ и ротный командиръ, молодецъ по росту, выправкѣ и даже щегольству въ одеждѣ, не пьяница, хотя изъ армейскихъ юнкеровъ. Человѣкъ онъ добрый, откровенный и потому довольно любимый кадетами; но глупъ, какъ бревно, на которое походитъ длиною. Сегодня понедѣльникъ, и онъ, ходя передъ ротою, построенною къ столу, читаетъ классную рапортичку о воспитанникахъ, получившихъ въ субботу дурные баллы, и назначаетъ имъ взысканія. Потомъ говоритъ рѣчь объ опрятности и жалуется, что кадеты часто плюютъ на полъ, а не въ песочницы. «На что это похоже! Вѣдь если *каженный* изъ васъ оставитъ на полу по *блевотинѣ*, такъ это изъ роты выйдетъ конюшня...» Произнеся эти граціозныя словечки, онъ умолкаетъ, начинаетъ большими шагами ходить вдоль залы и наконецъ говоритъ: «А ужь теперь, господа, я не знаю, что и сказать. Позоръ, просто позоръ не только на роту, но и на весь корпусъ». Рота настораживаетъ уши. «Господинъ Лёвинъ! — продолжаетъ капитанъ,—пожалуйте впередъ!» Лёвинъ, здоровый парень двадцати лѣтъ, не совсѣмъ чисто выбритый, выдвигается впередъ. «Скажите, безстыдникъ, гдѣ я васъ встрѣтилъ вчерась?» — «На лѣстницѣ въ одномъ домѣ на Средней Мѣщанской» — отвѣчаетъ «кадетъ». — «А зачѣмъ же вы тамъ «были?» — вопрошаетъ педагогъ. — «Затѣмъ же, зачѣмъ, вѣроятно, и вы, капитанъ: у меня тамъ знакомые» — отвѣтствуетъ, не моргнувъ глазомъ, «питомецъ», при неудержимомъ хохотѣ цѣлой роты, хорошо знающей, какіе знакомые водятся у всѣхъ на Средней

Мѣщанской, и довольной, что капитанъ попался тамъ своему воспитаннику. И это былъ не единственный случай, гдѣ простодушная глупость Гриновича выказалась публично. Еще когда онъ не командовалъ ротою, съ нимъ былъ казусъ, не особенно лестный для его ума, а вмѣстѣ и для чувства собственнаго достоинства. Разъ на смотру одного важнаго генерала, на Царицыномъ лугу, Гриновичъ, командуя застрѣльщиками своего батальона и замѣтивъ, что въ сосѣднемъ, у его пріятеля А. К. Севрюговича, стрѣлки сдѣлали ошибку, громко закричалъ ему: «Антонъ Казимирычъ, Антонъ Казимирычъ! у тебя не такъ построены кучки!»—«Что это за дуракъ офицеръ,—замѣтилъ инспектировавшій генералъ-аракчеевецъ,—разговариваетъ во фронтѣ?» Директоръ Плахинъ, находившійся на смотру, назвалъ его фамилію, но этимъ не ограничился. Когда батальонъ вернулся со смотра въ манежъ и онъ сдѣлалъ обычныя замѣчанія о промахъ и недосмотрахъ, то въ заключеніе сказалъ: «Господинъ поручикъ Гриновичъ, пожалуйте-ка сюда!»—Гриновичъ вышелъ передъ фронтъ.—«Что такое сказалъ вамъ на смотру генералъ-инспекторъ?»—«Дуракомъ назвалъ за разговоръ во фронтѣ, ваше превосходительство!» — «Хорошо, ступайте же на мѣсто и постарайтесь впередъ этого не заслуживать».

Впрочемъ, Гриновичъ вовсе еще не былъ крайнимъ предѣломъ ограниченности между нашими воспитателями. Переведенный въ линейные баталіоны или въ армію майоромъ (до подполковника ему дотянуть высшее начальство не позволило), ротный командиръ, капитанъ Вильманъ, былъ еще глупѣе, такъ что про него слагались легенды, всегда впрочемъ основанныя на фактахъ, слегка развѣ подкрашенныхъ въ изложеніи. Вотъ одна изъ такихъ легендъ. Когда старикъ-директоръ, Плахинъ, уже собирался въ отпускъ, изъ котораго ему суждено было вернуться въ гробу, онъ давалъ, въ день своихъ именинъ, въ маѣ, обѣдъ ротнымъ и другимъ командирамъ, во время котораго и сталъ объяснять свое намѣреніе вовсе оставить службу. «Я, господа, слишкомъ ужъ старъ, чтобы служить съ пользою; нужны люди посвѣжѣе, а у меня вотъ и волосы всѣ вылѣзли, что ясно показываетъ, что мнѣ пора умирать».—«Нѣтъ, ваше п—во, послужите еще съ нами,—возразилъ Вильманъ:—мы всѣ васъ такъ любимъ и уважаемъ. А что до выпаденія волосъ, такъ это не признакъ упадка силъ: теперь весна и всякій скотъ линяетъ»*).

*) Фраза подлинная, но по кадетской редакціи, для вящшаго эффекта, въ ней опущено слово *даже*, произнесенное ораторомъ передъ словомъ *всякій*.

Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвела эта фраза на генерала и другихъ присутствовавшихъ за обѣдомъ,—вѣроятно, они удержались отъ смѣха; но, проникнувъ въ кадетскую сферу, она долго служила неистощимымъ источникомъ увеселенія публики. Другая легенда была не менѣе характеристична для умственныхъ способностей Вильмана. Разъ, обучая роту тихому шагу въ три пріема, онъ замѣтилъ, по разности разстояній между поднятыми ногами, что въ одномъ мѣстѣ шеренги подняты сряду правая и лѣвая ноги. «Что это?—закричалъ онъ,—кто тамъ поднялъ разомъ обѣ ноги?»—и ужасно оскорбился, когда вся рота начала при этомъ трястись отъ сдержаннаго смѣха, причины котораго онъ (вѣроятно, какъ шведъ, не очень сильный въ русскомъ языкѣ) видимо не понималъ. Подполковникъ Брыкаловъ, младшій штабъ-офицеръ, не разъ командовавшій въ лагеряхъ баталіономъ, былъ извѣстенъ курьезнымъ замѣчаніемъ одному кадету, получившему нуль за ситуаціонное черченіе. «Что это, братецъ, какъ тебѣ не стыдно получать ноли?»—«Да вѣдь это изъ ситуаціи».—«Тѣмъ хуже! Я, бывало, въ твои лѣта, встану поутру, *прочту* разъ урокъ и—готовъ: предметъ совершенно пустой и большой памяти не требуетъ...» О безчисленныхъ насмѣшкахъ кадетъ надъ подобнымъ невѣжествомъ воспитателей можно бы написать цѣлую книгу; вотъ, для примѣра, шутка, которая была сдѣлана на моихъ глазахъ. Былъ одинъ дежурный офицеръ, большой фатъ, который любилъ хвастаться, что онъ ѣздитъ къ Елисѣеву ѣсть устрицъ. Мы знали, что онъ вретъ, и если ходитъ въ окрестностяхъ биржи, то лишь затѣмъ, чтобы посмотрѣть въ скверѣ привозныхъ обезьянъ и птицъ да развѣ купить у Елисѣева фунта три сахару, что давало ему возможность зайти въ магазинъ, посмотрѣть на неизвѣстные фрукты и, пожалуй, узнать ихъ названія. Рѣшено было посмѣяться надъ нимъ. «Слышали вы, Иванъ Ивановичъ (или какъ онъ тамъ назывался), что на биржу привезены великолѣпнѣйшія свѣжія ассимптоты?»—«Нѣтъ. А что это за штука?»—«Какъ, что за штука? А вы еще гастрономъ! Да вѣдь это рѣдчайшая американская рыба, что до сихъ поръ доставлялась лишь ко Двору»... Иванъ Ивановичъ записалъ на бумажкѣ слово *ассимптота* и назавтра отправился въ биржевой скверъ отыскивать заморскую диковину. Воображаю, какъ онъ старался и какъ былъ смѣшонъ, если наткнулся на какого-нибудь рыботорговца, знакомаго съ теоріей коническихъ сѣченій...

Иногда можно слышать замѣчаніе, что даже плохо образованные гувернеры или простые дядьки изъ солдатъ или старыхъ дворовыхъ могутъ быть полезнѣе для воспитанниковъ, чѣмъ самые ученые туторы, по крайней мѣрѣ своею честностью, прямотою, послѣдовательностью въ дѣйствіяхъ, вызывающею на то же и ихъ питомцевъ, т. е. вырабатывающею ихъ характеръ. Многіе, конечно, помнятъ швейцара Петербургскаго университета, Савельича, и согласятся, что его нравственное вліяніе даже на студентовъ, т. е. уже не на мальчиковъ, было серьезнѣе и глубже, чѣмъ иныхъ педагоговъ во фракахъ. Старые дворовые дядьки тоже бывали часто людьми въ высшей степени полезными именно своею послѣдовательностью дѣйствій, вѣрностью извѣстнымъ принципамъ, хотя бы усвоеннымъ безсознательно, по привычкѣ. Но за корпуснымъ педагогическимъ персоналомъ, изъ армейскихъ офицеровъ, даже и этой добродѣтели признать было нельзя. Неспѣтость этихъ педагоговъ была всесовершеннѣйшая и они работали кто въ лѣсъ, кто по дрова, нерѣдко еще критикуя другъ друга и самихъ высшихъ начальниковъ. Вотъ тутъ и извлекайте мораль изъ словъ и дѣйствій людей, приставленныхъ направлять вашъ характеръ къ добру и чести!

Понятно поэтому, что взглядъ кадетъ, даже взрослыхъ, на строевое начальство сопровождался желаніемъ показать ему, что мы презираемъ его лицемѣрныя, эгоистическія теоріи, будто бы направленныя исключительно къ нашему добру, а на самомъ дѣлѣ не имѣвшія въ виду ничего иного, кромѣ спокойнаго прохожденія службы и составленія карьеры господами воспитателями. Отсюда бравированье начальственныхъ запрещеній со стороны даже такихъ юношей, которые вовсе не чувствовали природной склонности къ дебошу. Я, напримѣръ, и доселѣ не курю табаку, даже не могу его выносить, не играю въ карты и не пью вина, кромѣ краснаго, столоваго, да и то съ водою; но въ послѣдній годъ корпусной жизни ходилъ съ товарищами пить вино—и куда же?—въ одинъ аристократическій кабачокъ, гдѣ всего легче было наткнуться на военныя власти. Испытывалъ ли я физическое удовольствіе отъ попоекъ?—Нѣтъ, да и напиваться до головокруженія я не могъ, потому что мы пили одну подслащенную малагу, стакана по полтора на брата, закусывая виноградный сокъ какими-нибудь миндальными печеньями: до такой степени мы были, физіологически, юные. Въ чемъ же былъ интересъ вертѣться около огня, какъ мотылекъ

около свѣчи?—А въ томъ, чтобы товарищи знали, зачѣмъ и куда мы ходимъ, соотвѣтственно этому уважали насъ, какъ молодцовъ, и презирали ненавистное всѣмъ начальство. Была ли въ такомъ поведеніи хоть малѣйшая логика?—Никакой; но смыслъ былъ огромный. Своею смѣлой оппозиціей мы поддерживали духъ въ подавляемыхъ младшихъ товарищахъ, давали имъ примѣръ, какъ можно держаться на своихъ ногахъ, несмотря на гнетъ, и тѣмъ спасали въ нихъ, да и въ себѣ, остатки человѣческой личности, остатки свободной воли, для которой у начальства, какъ извѣстно, былъ такой (напечатанный!) законъ, что «для военнаго даже совѣсть замѣняется предписаніями властей», хотя бы вполнѣ беззаконными и безнравственными. Военный не долженъ разсуждать, что хорошо, что дурно, а только повиноваться, и не на одномъ полѣ сраженія, а вездѣ—въ казармѣ, въ классахъ, въ гостиной, въ больницѣ, даже въ церкви! Ему за преступленіе считается, если во фронтѣ онъ дышитъ (фактъ съ командиромъ одного сапернаго баталіона, Л., который билъ солдатъ по ребрамъ, если замѣчалъ расширеніе и сокращеніе грудной клѣтки при дыханіи, и за это былъ считаемъ отъ высшаго начальства *образцовымъ* служакою); онъ, военный, всегда долженъ смотрѣть весело и не иначе, какъ на 15—16 шаговъ передъ собою. Онъ не смѣетъ отвѣчать на самое кровное оскорбленіе старшаго, хотя бы былъ правъ, а старшій виноватъ, и это не въ строю только, а всегда и вездѣ...

Мои демонстраціи показались мнѣ самому лишними тотчасъ, какъ я увидѣлъ, что мой новый ротный командиръ Гертовъ не имѣетъ ничего общаго съ Котъ - Пыжковскимъ и Стишевскимъ. Напротивъ, я сталъ отклонять моихъ друзей отъ посѣщенія кабачковъ и вообще отъ всякихъ рѣзкихъ нарушеній корпусного режима. Этимъ мы хотѣли показать Гертову, что цѣнимъ его благородное обхожденіе, которое, нужно замѣтить, вовсе не было слабымъ. Гертовъ былъ служака, но въ хорошемъ смыслѣ этого слова,—фронтовикъ, но не мучитель строя людей,—неуклонно взыскательный, но знавшій, когда, кого и какъ наказать; его выговоры, лаконическіе, но спокойные, вѣсили больше, чѣмъ неистовства Кота-Пыжковскаго. Еслибъ онъ вздумалъ кого высѣчь, то едва ли кадеты много жалѣли бы наказаннаго; да и узнать имъ объ этомъ едва ли удалось бы, потому что Гертовъ ставилъ высоко самолюбіе будущихъ офицеровъ, какъ главнаго двигателя въ *честномъ* прохожденіи службы, и никогда не дѣлалъ взыска-

ній шумныхъ, позорныхъ. Я у него въ ротѣ отдохнулъ отъ мученій четырехъ предшествовавшихъ лѣтъ и онъ имѣлъ добросовѣстность сказать, при мнѣ, баталіонному командиру, про меня же: «я не знаю, отъ чего Востокова считали строптивымъ, безпокойнымъ, непочтительнымъ: могу по совѣсти сказать, что ни я, ни дежурные офицеры роты этого не замѣчали. Его единственная особенность отъ другихъ та, что онъ любитъ химію, физику и естественную исторію до того, что приходится вечеромъ прогонять его въ постель». И соотвѣтственно этому Гертовъ въ десять мѣсяцевъ наприбавлялъ мнѣ четыре балла за поведеніе и вывелъ въ унтеръ-офицеры. Разъ какъ-то, передъ однимъ смотромъ, онъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что у меня длинны волосы: «химія—химіей, а строевыми обязанностями, батюшка, манкировать нельзя». Мнѣ было ужасно совѣстно, тѣмъ болѣе, что я пренебрегъ присутствіемъ въ ротѣ цирульника именно ради главы о висмутѣ или цинкѣ, чтеніе которой отложить на четверть часа ничего не стоило... За то мы и встрѣтились, 15 лѣтъ спустя, какъ люди, взаимно уважающіе другъ друга. Я уже упомянулъ, что въ эти 15 лѣтъ я успѣлъ обогнать Гертова по службѣ; но, узнавъ о его совмѣстномъ со мною пребываніи въ Л., конечно, первый сдѣлалъ визитъ ему.

И отдѣленные офицеры въ ротѣ у Гертова оказались порядочными, въ силу принципа: каковъ попъ, таковъ и приходъ. Одного изъ нихъ, И. Г. Зубова, мнѣ особенно пріятно вспомнить. Онъ былъ любитель астрономіи, читалъ много сочиненій объ ней, имѣлъ свою карту неба и зрительную трубу, въ которую и показывалъ мнѣ фазы Венеры, двойную звѣзду въ хвостѣ большой медвѣдицы, туманности Андромеды и Оріона, Плеяды и Гіады. Скромный и вѣжливый, онъ говорилъ мнѣ: «вы переданы въ роту съ самою неутѣшительною аттестаціей отъ Стишевскаго; но не безпокойтесь: что будетъ можно, мы вамъ вернемъ. И генералъ (Воронинъ) выразилъ надежду, что мнѣніе о васъ скоро перемѣнится, что вы не дадите повода къ противному». И я не давалъ. Въ классѣ мнѣ, какъ и всѣмъ шимистамъ, покровительствовалъ помощникъ инспектора Норденфильдъ, довольно безтолковый шведъ, но большой энциклопедистъ, котораго мы особенно уважали за то, что онъ слѣдилъ за наукой и ради того выписывалъ «Comptes rendus de l'académie des sciences de Paris». Совершенно безвозмездно онъ, въ свободные часы, преподавалъ намъ, шимистамъ, въ лабораторіи начала аналитической химіи,

по Виллю, а для чтенія рекомендовалъ «Письма о химіи» Либиха, «Статику органическихъ существъ» Дюма и проч. Тогда въ химической литературѣ шелъ еще споръ о значеніи органическихъ веществъ, находящихся въ почвѣ, для питанія растеній; мы тоже раздѣлились на партіи: одни были за Пайэна, другіе за Либиха. Чтенія Шлейдена о ботаникѣ, точнѣе—о физіологіи растеній, плѣняли насъ не менѣе «Писемъ» Либиха, и какъ они касались, между прочимъ, того же вопроса о питаніи растеній неорганическими матеріалами и о перерожденіи послѣднихъ въ организованныя ткани, то особенно способствовали нашему развитію. Уже тогда «жизненная сила», какъ особый дѣятель въ природѣ, не подчиненный законамъ физики и химіи, была нами отвергнута, какъ гипотеза, не имѣющая основаній и ничего не разъясняющая въ растительной и животной организаціи; съ нею исчезли изъ нашихъ понятій и всѣ ея производныя функціи и варьяціи. И мнѣ въ высшей степени странно было, черезъ полвѣка, услышать одну изъ этихъ варьяцій въ полномъ засѣданіи французскаго института, изъ устъ того самаго Дюма, который писалъ «La statique chimique des êtres organisés».

Любопытно, что наши матеріалистическія и скептическія увлеченія не подвергались ни малѣйшему гоненію со стороны нашего священника и законоучителя. Правда, это былъ человѣкъ высокаго ума, не знавшій въ дѣлѣ убѣжденій другого способа дѣйствовать, какъ убѣждать, но вѣдь онъ могъ опасаться, что вліяніе наше скажется на цѣлой паствѣ его, и потому принять противъ насъ полицейскія мѣры. Но онъ до этого религію не унижалъ. Съ нами онъ обходился какъ съ прочими, можетъ-быть немного внимательнѣе и ласковѣе; но это было и все. «Ранней молодости,—говорилъ онъ,—свойственно увлеченіе вольтеріанствомъ, остроумнымъ скептицизмомъ, который думаетъ, что всѣ задачи бытія рѣшаются логикой да математикой съ ея приложеніями; но это не болѣе какъ фаза въ юношескомъ развитіи. Придетъ время и невѣрующій услышитъ гласъ Божій: «Савле, Савле, что мя гонишн?»—и падетъ передъ Господомъ, и вѣра его будетъ тѣмъ крѣпче». Церковная исторія въ устахъ ночтеннаго В. И. Крещенскаго была превосходнымъ рычагомъ честной морали: ея примѣры, живые и отлично разсказанные, говорили больше сердцу, чѣмъ абстрактные догматы. Особенно важны были примѣры стойкости убѣжденій первыхъ христіанъ, которымъ языческій міръ не могъ выставить никакихъ соперниковъ. Мы, шимисты, не за-

бывали ихъ, конечно, съ нашей точки зрѣнія. В. И. Крещенскій былъ воспитатель-гуманистъ, въ самомъ высшемъ, привлекательномъ смыслѣ этого слова, и совершенно искреннее уваженіе со стороны бывшихъ учениковъ сопровождало его до могилы, несмотря на ихъ скептизмъ и на то, что въ послѣдніе годы жизни, стоя на высшихъ ступеняхъ духовной іерархіи, онъ долженъ былъ быть разборчивымъ въ сношеніяхъ со скептиками, иногда тоже очень высокопоставленными. Лично я не могу забыть его участія въ моемъ дѣлѣ со Стишевскимъ. Этого мало, что онъ стоялъ за меня въ комитетѣ, рѣшавшемъ мою судьбу: онъ утѣшалъ меня и тогда, когда кара постигла меня, и утѣшалъ, не оскорбляя поученіями, не растравляя внутренней раны. «Жаль, Востоковъ, что съ вами случилось такое несчастіе. Наказаны вы строго; но не забудьте, что кому много дано, съ того много и спрашивается. Это вѣдь ученіе не только вѣры, но и здраваго смысла, котораго вамъ не занимать стать. Подумайте, что было бы, еслибы взыскивалось за все одинаково съ умнаго человѣка и съ глупца? Это было бы крайне несправедливо... Да не падайте духомъ: уничиженіе паче гордости не соотвѣтствуетъ истинному человѣческому достоинству. И кто знаетъ, можетъ-быть, несмотря на теперешнюю бѣду, вы скоро обгоните вашихъ товарищей. По крайней мѣрѣ я вамъ искренно желаю этого и надѣюсь на это. Только не забудьте урока, который данъ вамъ теперь, по-вашему—слѣпымъ случаемъ, а по-моему—Провидѣніемъ: упасть сразу на много ступеней въ людскомъ обществѣ всегда легко, а подняться трудно. Другіе не упустятъ случая пройти мимо васъ и стать выше, хотя бы не стоили этого. Въ жизни независимой это еще больше, чѣмъ въ корпусѣ, гдѣ все же за васъ есть кому заступиться, напомнить о вашихъ прежнихъ заслугахъ и постоянныхъ достоинствахъ»... Какъ же сравнить это теплое слово воспитателя-гуманиста съ бранью какихъ-нибудь Котъ-Пыжковскихъ, Стишевскихъ и ихъ братіи, ей же имя, къ сожалѣнію, легіонъ?

Несмотря на утѣшенія о. Крещенскаго, несмотря на вниманіе Гертова и самого Воронина, сильно подвигавшихъ меня въ послѣдній годъ, я хорошо видѣлъ, что прямо изъ корпуса попаду въ провинціальную глушь. Это приводило меня въ отчаяніе, ибо потребность учиться стала живою, насущною моей потребностью. Долго ломая голову, я рѣшился, наконецъ, пожертвовать наукѣ еще годомъ кадетской жизни, т.-е. отказаться отъ эполетъ до

слѣдующаго выпуска. Примѣры этому бывали—то по недостиженію 18-лѣтняго возраста, то просто «для усовершенствованія въ наукахъ». Я просилъ, черезъ отца, нашего генерала устроить это дѣло. Старикъ призвалъ меня, выслушалъ мои доводы, но отказалъ. «Еслибъ это была моя частная школа, я бы удовлетворилъ вашему желанію и даже облегчилъ бы вамъ пріобрѣтеніе знаній выше программы нашего образованія; но здѣсь—казенное учрежденіе, обязанное доставлять возможно большее число офицеровъ въ войска, и вы должны идти на службу. Кромѣ того я долженъ заботиться о доставленіи вакансій новымъ поколѣніямъ дѣтей, часто принадлежащихъ очень бѣднымъ родителямъ. Да и отчего вы не хотите идти въ артиллерійское либо инженерное училище, причемъ можете и не оставлять Петербурга даже на день?».—«Извините, ваше превосходительство, но я къ техническимъ, т. е. доходнымъ, мѣстамъ сочувствія не имѣю, а служить въ гвардейской артиллеріи во фронтѣ не могу по недостатку средствъ».—«Ну, жаль; только, повѣрьте, если любовь къ наукѣ въ васъ крѣпка, она васъ вынесетъ и изъ глуши. Если для этого нужно будетъ мое содѣйствіе, можете впослѣдствіи обратиться ко мнѣ».

И вотъ, въ августѣ 18.. года, одинъ важный генералъ, сидя на барабанѣ, около Краснаго Кабачка, за Нарвскою заставой, и провозглашая, по очереди, имена вновь испеченныхъ прапорщиковъ, произнесъ и мое. Послѣдовалъ тройной поцѣлуй его превосходительства, и въ рукахъ у меня остался экземпляръ приказа о производствѣ. Я раскрылъ его и прочелъ, между прочимъ: «Востоковъ—въ такую-то артиллерійскую бригаду» (стоявшую въ уѣздномъ городѣ Нарскѣ). Мнѣ все еще не вѣрилось, что это на самомъ дѣлѣ, точно я не зналъ своей участи полгода, годъ тому назадъ. И когда мы вернулись въ Петербургъ, когда, послѣ хлопотливаго дня, мы, выпущенные изъ корпуса, улеглись спать внѣ его стѣнъ, тогда, въ первую ночь офицерства, какъ и въ первую ночь кадетства, у меня навернулись слезы. Мнѣ было жаль и прошедшаго, пяти безвозвратныхъ лѣтъ жизни, проведенныхъ въ казармѣ и кончавшихся ссылкой въ глушь, жаль было и друзей, почти сплошь остававшихся въ Петербургѣ, и еще болѣе тяготило меня будущее, такъ противорѣчившее всѣмъ моимъ задушевнымъ стремленіямъ... Неужели все придется бросить, все забыть и, какъ китайцу, застыть на одной точкѣ?

Востоковъ.

Зачѣмъ ты снова предо мной
Явился, геній благодатный,
Съ своею лаской молодой,
Съ своею властью непонятной?...

Въ добро я вѣровать отвыкъ...
Подъ гнетомъ горя и лишеній,
Сковалъ я смѣлый мой языкъ,
Глашатай свѣтлыхъ вдохновеній...

Неволи я не замѣчалъ,
Гремя желѣзными цѣпями...
Зачѣмъ ты, геній, вновь предсталъ
Съ своими чудными рѣчами?...

Огонь божественныхъ очей
Блеснулъ въ стѣнахъ моей темницы
И вспыхнулъ заревомъ зарницы,
Ударясь въ сталь моихъ цѣпей.

И онъ божественной рукой
Моей тюрьмы раздвинулъ своды,
И вдаль смотрѣлъ я и съ тоской
Внималъ вѣщаніямъ свободы.

Мой гордый нравъ минувшихъ дней
Съ былою мощью пробудился...
О, какъ въ тотъ мигъ я устыдился
За мракъ тюрьмы, за звонъ цѣпей!...

Но мнѣ оковъ не разрубить,
Не разломать тюрьмы до вѣка...
О, какъ жестоко разбудить
Въ рабѣ безсильномъ человѣка!...

Н. Соколовъ.